

На правах рукописи

ВОЛОХОВА Елена Викторовна

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ
САМОТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

специальность 09.00.13 – философская антропология,
философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Ростов-на-Дону

2017

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Донской государственной технической университет»

Научный консультант: **Несмеянов Евгений Ефимович**,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Официальные оппоненты: **Чумаков Александр Николаевич**,
доктор философских наук, профессор;
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»,
заведующий кафедрой «Философия»

Андреева Ольга Александровна,
доктор философских наук, профессор;
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления
и экономики», профессор кафедры
теории и истории государства и права

Похилько Александр Дмитриевич
доктор философских наук, профессор;
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный
педагогический университет»,
профессор кафедры философии,
права и социально-гуманитарных наук

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Защита состоится «20» сентября 2017 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.13 по философским наукам на базе ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, зал заседания диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, 21 ж. Электронный вариант текста диссертации размещен 29.03.2017 г. на официальном сайте Южного федерального университета по адресу: <http://hub.sfedu.ru/diss/announcement/1d14ade8-5e41-4cb0-9a68-76805c05764b/>

Автореферат разослан «20» июля 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. М. Шульман

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема свободы человека является ключевой проблемой философской антропологии и философии культуры, имеющей неугасающую ценность и актуальность во все исторические эпохи. Не случайно Ф.В. Шеллинг называл свободу началом и концом всей философии. Проблема свободы – это всегда актуальная и неисчерпаемая проблема, что обусловлено «...не столько мыслью, сколько сложностью самого человека, умеющего быть эксцентричным, избыточным, ускользающим от самой мысли»¹. Свободу, бесспорно, следует считать важнейшим модусом человеческого мироотношения, находящего в эпицентре его жизненных интенций.

Свобода человека есть везде, где есть личностное Я, способное к выбору и ответственности за его последствия. Поэтому бегство от свободы есть бегство от личности, самоотрицание своего личностного Я, имеющее различные основания, в том числе и социокультурные. Поэтому, несмотря на то, что феномен свободы изучается в философии с момента пробуждения философского сознания, в условиях актуальной социокультурной реальности постоянно предпринимаются обоснованные попытки дефинирования новых значений и интерпретаций его классического понимания. При этом акцент делается на социокультурной обусловленности различных форм проявления свободы, а также и самой методологии ее дефиниции и дескрипции. Не в последнюю очередь это связано с поиском и философским обоснованием кардинально новых способов бытийствования, проявляющихся в новых способах коммуникации, а также самореализации в целом, что требует переоценки старых подходов к толкованию проблемы свободы в ее политическом, социальном, правовом, этическом и особенно в философско-антропологическом и социокультурном аспектах.

Отсутствие в массовом сознании четких представлений о том, что такое свобода, во многом вызвано тем, что данная категория излишне часто используется как позитивно этически окрашенный лозунг. Это приводит к тому, что, являясь объектом постоянных спекуляций в средствах массовой коммуникации и политических дискуссиях, она становится десемантизированной: «В результате, настаивая на свободе, индивид уже не может точно сказать, чего он хочет, и что собственно мешает ему эту свободу реализовать»². Все это часто становится причиной противоречивого отношения к проблеме свободы не только со стороны массового человека, но и со стороны научного сообщества, что порождает необходимость переосмысления накопленного векового опыта экспликации свободы с учетом не только новых исследований, но и изменившихся социокультурных реалий.

В то же время ценность свободы для человека определяется ее самотрансценденцией (от лат. *transcendentis* – выходящий за пределы) как процес-

¹ Пастушкова О.В. Онтологическое пространство свободы: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.01. – Воронеж, 2005. – С. 1.

² Андриянова Е.В. Эволюция форм свободы: Социально-философский аспект анализа. Автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 2006. С. 4

сом превращения внутренней активности в изменения во внешнем мире за счет выхода за свои пределы в социокультурное пространство. Именно ей очерчиваются возможные границы жизненного пространства человека. Человек всегда, так или иначе, творит самого себя и это творение себя и есть самотрансцендирование. Оно есть раздвигание границ своего «Я» и своего существования в области мира бытия, это «забрасывание» себя в другое, что дает результат не только миру, но и самому человеку. При этом самотрансцендирование жизни человека как личности есть в то же время самотрансцендирование его свободы. Понятие «самотрансцендирование свободы личности», положенное в основу данной работы и ограничивающая тем самым предметную область исследования, эксплицируется нами как активная и продуктивная творческая реализация позитивной свободы личности в рамках позиции философско-антропологического реализма. Сама же позитивная свобода трактуется нами традиционно как «свобода для» в отличие от «свободы от».

Иными словами, человек живет, творит, любит, чувствует и думает, работает и отдыхает, т.е. в целом самореализуется лишь в том жизненном пространстве, которое очерчено границами самотрансцендирования его свободы. Поэтому расширение границ собственной свободы, как правило, субъективно воспринимается человеком как увеличение возможностей его самореализации. И, наоборот, лишение или ограничение свободы на протяжении тысячелетий используется в качестве универсального наказания человека. Причем степень ограничения свободы детерминируется тяжестью совершаемого преступления: от незначительного штрафа (ограничение финансовой свободы) до смертной казни (лишение свободы распоряжаться наиболее ценным ресурсом из возможных – жизнью).

Не случайно в западной культуре существует устойчивая тенденция считать свободу критерием прогресса социокультурного целого. При таком подходе вся история человеческой культуры эксплицируется как непрекращающийся процесс эволюции свободы, расширения ее границ и подъема на все более высокие уровни ее развития. В то же время расширение границ человеческой свободы, не сопровождающееся одновременным увеличением меры ее ответственности, создает опасное социокультурное пространство, несовместимое с человеческим жизнеутверждением. Дело в том, что, как верно указал Н.А. Бердяев, свобода, являясь основным условием нравственной жизни, всегда выступает не только свободой добра, но и свободой зла: «Без свободы зла нет нравственной жизни»³. Поэтому свобода может стать и причиной возникновения пространства анархии, «войны всех против всех», террора, деспотизма, девиаций, расцвета преступности и перверсий. В этом состоит парадокс свободы, неоднократно подтвержденный в мировой и отечественной истории: любое стремление к ее абсолютизации приводит к противоположному эффекту, т.е. к ее сворачиванию и тотальному, бюрократизированному и механизированному контролю над субъектами социальной жизни, имеющими минимум свободы жизнетворчества.

³ Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 34.

Учитывая опыт изучения природной и социокультурной динамики эволюционного процесса, необходимо констатировать, что жизнь каждого нового поколения людей есть жизнь в постоянно усложняющейся действительности, при которой завоеванием каждого нового поколения является расширение степени социокультурной свободы, отвоеванной у сферы природного, естественного бытия. В то же время увеличивающаяся пропасть между природосообразным бытием и существованием человека в условиях индивидуалистической, технократической цивилизации становится не только причиной отчуждения между людьми, но и отрицанием ценности свободы, приводящей к подобному отчуждению.

Все это порождает необходимость выявления философско-антропологической сущности самотрансцендирования свободы личности и изучения степени ее феноменологической представленности в социокультурной реальности рубежа XX – XXI веков. Все это возможно только на основе интегрального комплексного анализа, включающего в себя междисциплинарных подход, предполагающий учет достижений современной философии, философской антропологии, философии права, социальной психологии, социологии, естествознания. Причем полноценное изучение свободы в рамках сознательной преобразующей деятельности людей должно быть расширено за счет ее исследования в естественной эволюции природы.

Современные социокультурные практики, отражающие уровень социального, духовного, экономического и политического развития общества, находящегося в состоянии глобального кризиса и выражающегося в необходимости выработки новых подходов к решению актуальных проблем планетарного масштаба, приводят к осознанию беспрецедентности и исторической уникальности положения человека в мире. Это положение, требующее выработки новых мировоззренческих парадигм, которые коренным образом переосмысливали бы не только «субъект-субъектные отношения», с точки зрения проблемы свободы, но и специфику коммуникации в рамках системы «человек – природа – общество». При этом философско-антропологическое и культурфилософское исследование самотрансценденции свободы личности должно быть нацелено также на выработку философской модели решения важнейших глобальных и повседневных аспектов жизни человека в современной социокультурной реальности.

Степень научной разработанности проблемы. Сложность, многоаспектность и многогранность проблемы свободы, а также важность ее для человека и общества во все времена определили особенно повышенный интерес к этой проблеме со стороны очень многих крупных ученых и философов, которые так или иначе, прямо или косвенно занимались ею. Но, с другой стороны, необходимо заявить о том, что, тем не менее, проблема самотрансцендирования свободы личности на сегодняшний день еще весьма далека от полного, окончательного или исчерпывающего решения.

В целях наиболее релевантного концептуального моделирования проблемы самотрансцендирования свободы личности в контексте философской антропологии и философии культуры необходимо, прежде всего, тщательное

исследование классических подходов к проблеме свободы, осуществленных в рамках основных исторических типов философии.

В античности проблема свободы затрагивалась в контексте социально-политических взглядов Платона, Аристотеля, Эпикура и эпикурейцев (Тита Лукреция Кара), киников (Антисфена, Диогена Синопского и Кратета Фиванского), стоиков (особенно Сенеки и Марка Аврелия), неоплатоников (в частности Плотина, Порфирия, Ямвлиха и Прокла) и др.

Среди ключевых фигур средневековой философии, внесших свой вклад в изучение проблемы свободы в рамках христианского мировоззрения, особенно выделяются: гностики (Валентин, Василид и Федот), представители патристики (Бозций, Августин Блаженный) и схоластики (И. Скотт Эриугена, Ансельм Кентерберийский, П. Абеляр, Фома Аквинский, И. Дунс Скотт, М. Экхарт, У. Оккам, Ж. Буридан и др.).

В социально-политических воззрениях эпохи Возрождения наиболее ценным вкладом в разработку проблемы свободы следует считать работы философов гуманистов (Л. Валла, Ф. Петрарки), труды философа-мистика Я. Бёме и представителя неоплатонизма Дж. Пико делла Мирандолы, работы М. де Монтеня. Переворот в понимании сущности мироздания, а, следовательно, и косвенно в понимании проблемы свободы совершили исследования натурфилософов (особенно Н. Коперника, Д. Бруно, Г. Галилея, И. Кеплера). Важной вехой в переосмыслении средневековых взглядов на проблему свободы стали идеи представителей философии Реформации, особенно М. Лютера, Жана Кальвина, Т. Мюнцера, Эразма Роттердамского и др. В этот период утопические представления о свободе (Т. Мор, Т. Кампанелла) сосуществовали с трезвым и реалистичным пониманием границ человеческой свободы, в частности свободы политика (Н. Макиавелли).

В Новое время ключевыми исследованиями проблемы свободы следует считать работы Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Паскаля и Б. Спинозы, а в эпоху французского просвещения – Ф. Вольтера, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Мелье, Ж. де Ламетри, К. Гельвеция, Д. Дидро, П. Гольбаха, Г. Мабли, Ф. Бабёфа, К. Сен-Симона, Ф. Фурье, А. Коллинза, Д. Гартли, Д. Пристли, И.Г. Гердера и др.

Особый вклад в изучение проблемы свободы был сделан в рамках немецкой классической философии И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля и Л. Фейербаха. В их работах проблема свободы получила рассмотрение, как в онтологическом, так и в социально-политическом, диалектическом, историческом, политико-правовом и духовно-нравственном измерениях.

Среди наиболее влиятельных концепций свободы европейской философии XIX века выделяются: марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователи рассматривали свободу в системе общественных объективных закономерностей, особенно социально-экономического детерминизма) и волюнтаризм (Ф. Ницше и А. Шопенгауэр затрагивали проблему свободы в контексте категории воли).

В отечественной философии проблема свободы была ведущей: в творчестве русских религиозных философов (особенно В.С. Соловьева, Н.О. Лосского, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова и др.), философии персо-

нализма Н.А. Бердяева, философов демократического направления (А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и др.), последователей классического марксизма (Г.В. Плеханова, А.А. Богданова и др.).

Отдельные аспекты проблемы свободы исследуются и у выдающихся представителей современной западной философии. Среди них следует особенно выделить представителей психоаналитического направления (З. Фрейда, А. Адлера, Э. Фромма и К. Юнга) и экзистенциализма (К. Ясперса, А. Камю, Ж.-П. Сартра, Н. Аббаньяно). Большую ценность в исследовании проблемы свободы в контексте атрибутивных характеристик личности имеют работы А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, В. Франкла, Л. Бинсвангера, Р. Мэя и др.

В отечественной философии большое значение в изучении проблемы сущности свободы имеют исследования Г.С. Аптекера, В.Е. Давидовича, Л.Н. Смирновой, Т.И. Ойзермана и др. Среди исследователей сущности свободы в работах представителей Ростовской школы философии следует выделить исследования В.Е. Давидовича, Е.В. Золотухиной-Аболиной, В.П. Кохановского, Л.А. Минасян, А.М. Руденко и др.

В контексте сущности и существования человека различные аспекты свободы рассматривались в отечественных исследованиях Н.А. Васильевой, С.В. Димитровой, Л.Е. Кандалинцевой, М.Л. Ключевой, И.А. Кушовой, И.М. Лаврухиной, Д.Г. Литинской, В.В. Мануковского, И.В. Настина, С.И., Некрасова, В.В. Платошиной, Н.В. Пашковой, В.Ю. Пименова, А.А. Портных, С.В. Приходько, М.А. Пушкаревой, А.М. Руденко, Н.М. Урманцева, С.В. Чирковой и других. В этих работах были затронуты экзистенциальные проявления характера свободы, что создало необходимый методологический фундамент для целостного философско-антропологического осмысления самотрансцендирования свободы личности в контексте современной культуры.

В контексте таких ключевых философских категорий, как необходимость, ответственность, любовь, право, запрет, закон, мораль, достоинство, воля, самореализация, судьба, творчество, труд, зависимость и т.п., свобода была проанализирована во многих работах. Наиболее ценными из них можно считать не только классические оказались труды В. Виндельбанда и А.И. Герцена, но и исследования таких авторов, как З.А. Абдуллина, О.А. Андреева, В.В. Батеженко, Ф.С. Бахитова, А.А. Белоусов, Н.Н. Вопленко, Ю.Н. Давыдов, В.В. Денисов, И.В. Дергачев, Г.А. Гаганов, Х.Й. Зандкюлер, Б.Р. Ишмухаметов, Н.Д. Казакова, Д.Г. Китаев, Н.А. Клименко, Ю.Г. Клименко, А.Э. Ковров, А.И. Коломак, С.Б. Кожевников, В.Н. Кузнецов, Н.Н. Лапупина, Г.Д. Левин, Е.А. Матиенко, В.В. Милосердов, И.С. Морозова, А.Н. Мосиенко, Д.Н. Москаленко, И.И. Мюрберг, А.И. Назарычева, Е.Е. Несмеянова, В.С. Нерсисянц, Р.Н. Нигматулин, Н.В. Омельченко, З.И. Палиева, А.А. Пронин, М.Б. Разгильдиева, И.А. Симон, А.П. Скрипник, Л.С. Соловьева, Н.И. Строганова, Р.Х. Тирацуян, И.В. Упоров, А.Н. Харламов, А.Е. Шуняева, М.В. Юрченко, А.И. Янковский и др.

Методологические трудности анализа феномена свободы в связи многообразием ее видов и подходов к ней, автору данной работы удалось раскрыть на основе экспликации, изучения, адаптации и обобщения фундаментальных трудов И. Пригожина, И. Стенгерс, Р. Арона, С.А. Левицкого, а также работ

Н.А. Басенко, А.В. Белецкой, Э.С. Беликовой, С.Ю. Горшкова, Е.В. Дармограй, Е.В. Золотухиной-Аболиной, Е.В. Кармазиной, И.В. Макарьева, А.М. Максимова, Т.П. Минченко, О.В. Пастушковой, Д.С. Рузматовой, Д.С. Рязанова, В.Н. Савельева, А.В. Столярова, О.С. Сухих, Н.М. Урманцева, А.А. Хамидова, Е.В. Штифановой и др.

К теоретико-методологическим разработкам, позволяющим раскрыть антропологический смысл проблемы свободы человека, следует отнести зарубежные исследования М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена, Э. Кассирера, Дж. Лакса и Э. Финка. Среди отечественных разработок в данном направлении выделим труды И.А. Аполлонова, Л.А. Богодельниковой, П.С. Гуревича, А.А. Гусейнова, И.А. Егорова, В.К. Иошкина, Г.С. Киселева, А.В. Королева, В.Б. Маркова, Е.Г. Милюгиной, С.Г. Пилецкого, Л.Б. Румянцева, А.М. Руденко, Л.С. Соловьевой, Т.Д. Стерледевой, С.Д. Хайтуна, О.Г. Шумилкиной, Е.И. Ярославцевой.

Аксиологические аспекты экспликации свободы как смысложизненной ценности человека, раскрытие которых представляется необходимым для решения центральной проблемы данного диссертационного исследования, представлены в работах Д.Т. Алекпера, Н.А. Бердяева, Л.А. Богодельниковой, А.В. Каримова, С.С. Клименко, Л.Ф. Корецкой, Л.В. Логуновой, А. Мацейны, И.М. Меликовой, А.М. Муталиповой, Н.В. Омельченко, А.В. Петрова, Г.И. Руси, В.П. Сальникова, В.Г. Федотова, В.А. Чаликовой, М.А. Шороховой.

Конструктивное и деструктивное действие человеческой свободы нам удалось выявить на основе анализа и обобщения исследований Е.Г. Андрющенко, В.М. Артемова, Б.С. Барабохи, Ю.К. Волкова, И.Л. Галинской, Т.А. Гнилицкой, В.В. Заманской, В.А. Самошина, И.А. Ивченко, Л.А. Когана, Ю.Г. Копытова, А.Н. Коробкиной, И.С. Куренкова, В.В. Лунеевой, Ю.Г. Лобастова, Ф.И. Минюшева, Л.А. Мясниковой, П.В. Рябова, Д.С. Рязанова, Е.В. Сальникова, А.Д. Сахарова, Э. Фромма и Е.К. Хромина.

В исследовании природных, социокультурных и личностных детерминант свободы в условиях современности наиболее ценными представляются зарубежные исследования П.А. Сорокина, З. Баумана и Б. Малиновского. Среди отечественных разработок на эту тему эвристическим потенциалом обладают труды Г.В. Аллахвердиева, А.В. Антюхиной, Е.Р. Ашибоковой, Н.П. Безугловой, И.А. Беляева, А.М. Максимова, Н.Р. Вакулича, Н.В. Даниелян, С.И. Жылкычиева, Д.А. Зарипова, Е.В. Захаровой, Г.Г. Камардиной, А.В. Каримова, Т.А. Каширской, М.Ю. Келигова, В.Ж. Келле, И.И. Клименко, Г.Н. Лариной, С.В. Максимец, А.М. Максимова, И.А. Беляева, В.В. Маркевич, Л.А. Минасян, С.В. Перевальской, А.А. Пелипенко, С.Ю. Пискорской, А.И. Рогулева, Е.Н. Савельевой, Е.В. Субботского, Н.Н. Толстых, Н.В. Тройно-Фунтусовой, А.Г. Хайруллина, О.И. Цыбулевской и Ю.Н. Шевченко.

Наиболее ценными разработками в области исследования особенностей экспликации свободы человека в культуре постмодерна представляются зарубежные труды, прежде всего Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Деррида и Ю. Хабермаса. Определенный вклад в исследование данного аспекта свободы вносят и такие отечественные исследователи, как А.А. Алебастрова, В.Н. Волков, В.В. Денисенко, А.Ю. Евдокимов, А.В. Каримов, Г.С. Киселев, В.А. Кутырев, А.Г. Крас-

нова, А.Н. Лукин, М.Г. Митякина, Л.А. Мясникова, Л.В. Низовцева, Л.В. Пяталетова, А.М. Руденко, Н.В. Смирнягина, А.С. Скутин, Г.Л. Тульчинский, В.И. Холодарев, Ю.А. Шестаков и другие.

Среди работ, освещающих дискурс свободы человека в социокультурном пространстве России, особенно выделяются современные исследования таких авторов, как И. Андреева, Е.В. Бакшутова, Ю.В. Борисова, Т.В. Бузина, В.П. Букреев, Г.К. Вельмога, Ю.В. Вершинина, П.В. Глазков, Л.Ю. Грудцына, А.А. Джамулаев, И.В. Евланникова, Н.Н. Забелина, А.С. Запесоцкий, Е.П. Казбан, А.И. Коломак, С.Н. Кочеров, О.В. Козлова, Г.М. Куанаева, А.Я. Лившин, С.Г. Мальцева, Б.В. Марков, С.И. Митина, М.И. Ненашев, А.В. Петров, Ю.В. Ситникова, О.Ф. Смазнова, П.А. Солкина, М.И. Суханова, Н.А. Суханова, Е.Е. Тонков, А.А. Гусева, И.Б. Фан, Л.Г. Федотова, Х.А. Халим, Д.А. Цыплаков, Е.П. Чебан, И.Д. Черноусова, Л.М. Шарендо, И.М. Шишкин, М.П. Шубский, А.В. Юревич, И.А. Яковлев и М.В. Якушкин.

В контексте индивидуализации и глобализации отдельные аспекты свободы человека затрагивались в зарубежных исследованиях Р. Дарендорфа, К. Майнцера, Ф. Фукуямы. Интересные, хоть и не всегда систематизированные идеи на эту тему можно встретить в отечественных исследованиях П.Н. Кондрашова, К.Н. Любутина, Колосовой О.Ю., Несмеянова Е.Е., М.Б. Маринова, Б.В. Маркова, В.В. Миронова, Д.Г. Михайличенко, А.А. Мищеринова, В.И. Пузько, А.Д. Похилько, В.С. Семёнова, В.С. Стёпина, З.А. Таблиашвили, В.Е. Горозия, Т.И. Тукаева, А.Н. Чумакова, М.П. Челомбицкой и А.Р. Шастиной.

Механизмы реализации свободы в ситуации современности косвенно рассматриваются в зарубежных исследованиях Ф. Фукуямы, Ф. Хайека, А. Веллера и М. Кастельса. Элементы постановки и попытки раскрытия данной проблемы можно встретить и в отечественных исследованиях Е.О. Бородина, Л.Г. Брюховской, Д.А. Будюкина, Е.В. Вязовой, Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, П.И. Дятленко, А.Н. Иванова, П.Ф. Казначеева, К.С. Калашникова, Е.И. Камышева, Б.Г. Капустина, Р.И. Капелюшниковой, Е.В. Кармазиной, С.И. Кашеева, Э.С. Клевцовой, И.В. Князевой, С.А. Козлова, В.А. Купцова, Г.Ю. Курсковой, А.Э. Коврова, А.И. Коломак, И.В. Малыгиной, Е.А. Марченко, Д.Г. Михайличенко, Д.Н. Москаленко, Г.А. Новичковой, В.Н. Осина, С.В. Павлова, Р.В. Пеннер, К.В. Перегудова, А.А. Попова, В.В. Попова, В.И. Разумова, В.П. Сизикова, А.В. Руднева, В.С. Санниковой, В.Н. Снеткова, М.Б. Софиенко, Р.К. Стерледева, Ш.С. Сулеймановой, В.В. Чендаковой, М.Ю. Чернавского, В.П. Червонного, М.А. Шабановой, С.И. Шарипова, С.В. Шевелевой и Б.Г. Юдина.

Понятие «самотрансцендирование» разрабатывалось многими исследователями, как классиками (Ж.-П. Сартр, А. Вебер, В. Франкл, М. Шелер и др.), так и современными авторами (К.Л. Ерофеева, Е.В. Ширяева, В.А. Кувакин и др.). В то же время неразработанным до сих пор является исследование самотрансценденции личностной свободы.

Таким образом, имеющийся уровень разработанности рассматриваемой проблемы позволяет с уверенностью утверждать о достаточности фактологического и эмпирического материала, подлежащего его философско-

антропологическому обобщению и концептуализации. Тем более что целостного философско-антропологического осмысления самотрансцендирования свободы личности в социокультурной реальности до сих пор еще не предпринято.

Цель и задачи исследования. Основной целью данного диссертационного исследования является раскрытие философско-антропологической экспликации проблемы самотрансцендирования свободы личности в западной и отечественной социокультурной реальности, а также построение на этой основе целостной и системной концептуальной модели свободы, отражающей ее сущность и динамику социокультурной трансформации во взаимодействии с важнейшими экзистенциалами человеческого бытия.

В соответствии с данной целью в диссертации решаются следующие основные задачи:

- выявить методологические подходы к анализу многообразия видов свободы;
- проследить трансформацию категории «свобода» в культурно-исторической перспективе;
- концептуализировать феномен свободы в контексте сущности и существования человека;
- дать всесторонний анализ понятия «свобода» сквозь призму философских категорий;
- раскрыть антропологический смысл самотрансцендирования свободы личности;
- выявить и представить в системном изложении природные, социокультурные и личностные детерминанты свободы;
- обосновать конструктивное и деструктивное действие человеческой свободы;
- охарактеризовать специфику смысложизненной аксиосферы свободы личности;
- раскрыть механизмы подавления и реализации свободы в современной культуре;
- концептуализировать феномен свободы личности в контексте индивидуализации и глобализации;
- раскрыть особенности экспликации самотрансцендирования личностной свободы в культуре постмодерна;
- охарактеризовать специфику самотрансцендирования свободы в отечественном философском дискурсе.

Объект данного исследования – феномен свободы человеческой личности.

Предметом исследования является самотрансцендирование свободы личности в западной и отечественной социокультурной реальности.

Авторская гипотеза. Исходная гипотеза исследования состоит в том, что становясь личностью, человек, не удовлетворенный наличным социокультурным бытием, обретает шанс творческого выхода за его пределы и достижения подлинного самобытия. Свободная личность, постоянно преодолевая себя, самотрансцендируется, минуя состояние бифуркации как неустойчивости аб-

солотной возможности и оказываясь в пограничных ситуациях страха и неуверенности, создает свое существование как латентную спонтанность жизни. Выбор себя предполагает и рефлексивное переживание ответственности за собственную темпорализацию и самотрансцендирование в процессе проектирования.

Самотрансцендирование есть отражение процессуальной сущности свободы, приводящей личность не только к действию, но и к бытию. Свобода проявляется в том, чтобы быть и действовать одновременно, приводя к творческим изменениям в окружающем мире. Личность, являясь творцом своей жизнедеятельности, свободна в относительно детерминированном мире, при этом свобода не тождественна произволу, поскольку именно преодоление человеком внешнего и внутриличностного произвола и составляет ключевую сущностную характеристику свободы, обретаемую в процессе экзистирования в активном поиске самобытия, открытии возможностей саморазвития в соответствии с исторически обусловленной социокультурной ситуацией. Попытка избежания конечности существования человека с целью трансцендирования и воссоединения с бытием является фактором самоопределения и позитивного самоограничения, содействующего появлению ощущения стабильности и жизнестойкости. Свобода в этом процессе разжигает пассионарность человека на основе стимулирующей творчество неудовлетворенности, имеющимся положением вещей, выступая экзистенциальным крещендо сущностных сил настоящего к приоритетной смысложизненной цели человека.

Критерием аутентичности и свободы личностного развития является наличие у человека осознанной удовлетворенности общей смысложизненной направленности его бытия, а также возможности осознания и совершенствования собственного мироощущения, мирозерцания и миропонимания, а также переживания отношения к самому себе и своему положению и роли в окружающей социокультурной реальности. Для этого в микро- и макросоциуме должны быть созданы условия, способствующие подобному развитию, само наличие которых не гарантирует человеку возможности свободного развития, в чем и проявляется специфическая особенность человеческой природы.

Теоретико-методологические основы исследования. Методологическую базу, которая нашла применение в данном диссертационном исследовании, составили следующие методы:

– диалектический метод, позволивший рассматривать феномен свободы в его развитии, взаимодействии и единстве со смежными феноменами (экзистенциалами) человеческого бытия, а также эксплицировать его в контексте категорий всеобщего, особенного и единичного;

– синергетический метод, основанный на нелинейном мышлении в процессе исследования самотрансценденции свободы личности как открытой и самоорганизующейся системы в контексте многообразия систем социокультурной реальности;

– аксиологический метод, позволивший провести исследование ценностно-смысловых аспектов свободы человека;

– метод поливариантной экспликации, базирующейся на постмодернистских установках многогранности интерпретаций в раскрытии сущности свободы человека в культуре постмодерна за счет преодоления рассмотрения данного феномена в контексте бинарностей;

– метод экзистенциально-онтологической рефлексии, с помощью которого осуществлялось выявление онтологических оснований свободы;

– совокупность общенаучных методов логического анализа, синтеза, сравнения, обобщения, абстрагирования и классификации, позволившая выявлять причинно-следственные связи, сущность и специфику рассматриваемого феномена.

Кроме того, в данной работе нашли применение следующие теоретико-методологические подходы:

– феноменолого-герменевтический подход, с помощью которого автором осуществлялось как понимание, так и объяснение анализируемых научных и философских текстов;

– системный подход, с помощью которого стало возможным анализировать феномен свободы в контексте современной картины социокультурной реальности;

– структурно-генетический подход, позволивший рассматривать идею и феномен свободы в системе историко-культурного процесса;

– типологический подход, позволивший осуществить выявление ключевых типологических характеристик феномена свободы

– компаративистский подход, который оказался особенно востребованным при изучении свободы человека в культурно-исторической перспективе, а также исследовании данного понятия сквозь призму смежных философских категорий, а также при сопоставлении ее экспликации в различных социокультурных пространствах.

Научная новизна данного исследования заключается в следующем:

1. Предложена философско-антропологическая модель концептуализации феномена свободы как самотрансцендирующейся сущности личности, амбивалентно раскрывающейся в условиях ограничений социокультурной реальности за счет экзистирования.

2. Дана авторская экспликация расширения границ человеческой свободы в истории человеческой культуры с одновременным сужением ее субъектности, а также предложен новый взгляд на историю культуры как эволюцию социальных и культурных практик реализации личностной свободы.

3. Показано, что рефлексивное переживание ответственности за темпорализацию и самотрансцендирование в процессе проектирования, отражающее процессуальную сущность личностной свободы, актуализирует состояние бифуркации как неустойчивости абсолютной возможности и, инициируя пограничные ситуации страха, колебания и неуверенности, формирует существование как скрытую трансцендентность и спонтанность жизни. Попытка самореализации личности, неизбежно укрепляя ее связь с миром и другими людьми, в то же время сужает границы самопроявления в бытии.

4. На основе философско-антропологического обобщения исследований, выполненных в рамках различных парадигмальных подходов, разработана мо-

дель экспликации личностного самотрансцендирования в социокультурной реальности в свете важнейших человеческих экзистенциалов сквозь призму категории свободы.

5. Разработана новая философско-антропологическая модель самотрансцендирования личностной свободы в социокультурной реальности. Показано, что свобода как сверхфизическая ноуменальная основа человеческого измерения бытия наделяет человека качеством незавершенности и открытости, обуславливает специфику контекстуальности и интенциональности его экзистенции, выхождение за рамки наличного бытия.

6. Выделены философско-антропологические основания личности как носителя свободы в контексте природной и социокультурной реальности. Выявлены личностные факторы преодоления собственной единичности и создания условий для самодетерминации свободы желания и действия.

7. По-новому поставлена проблема об оптимальном социокультурном и личностном балансе свободы как фактора минимизации деструктивных и максимизации конструктивных проявлений свободы, а также предложена авторская концепция ее решения.

8. Раскрыта смысложизненная ценность самотрансцендирования личностной свободы как фактора противостояния обесмысливанию жизни и механизма жизнеутверждения нахождения смысла жизни не только за ее пределами, но и в ее очерченных границах.

9. Впервые выявлены механизмы подавления и реализации позитивной самотрансцендирующейся свободы личности в современной социокультурной реальности, а также показано, что современные социокультурные механизмы управления свободой основаны на создании ощущения свободы действия управляемого индивида.

9. Впервые конкретизировано и систематизировано понятие свободы в контексте современных процессов глобализации и индивидуализации, создающих необходимость выработки новых жизненных стратегий личности. Показано, что континуальная стратегия жизни личности позволяет преодолевать дискретность квантированных отрезков социокультурной действительности и средовую асинхронию за счет выхода на новый уровень самореализации.

10. Выявлен эвристический, с точки зрения философской антропологии и философии культуры потенциал экспликации свободы в культуре постмодерна за счет теоретической рефлексии новой онтологии человека, связанной с концепцией саморасходующегося человека, способного понять и принять жизнь человека исходя из ее же истоков, когда каждый момент его жизни желателен ради него же самого.

12. Концептуализирован дискурс экспликации проблемы свободы в отечественной философской традиции как позитивной самотрансцендирующейся сущности. Показано, что в выходе за пределы самого себя как фактической данности, в возвышении над самим собой заключается духовная инстанция личности, внутренняя сущность ее житнетворческого проявления и ее бесконечность.

Положения, выносимые на защиту:

1. Философско-антропологическая экспликация феномена свободы вскрывает его дуалистичность, антиномичность, контрадикторность и амбивалентность, затрудняющие возможность полного и исчерпывающего постижения ее диалогичного и полилогичного характера, предстающего во множестве взаимосвязанных альтернативных признаков. Реальные проявления свободы обусловлены условиями социокультурной реальности, при этом действительная свобода существует тогда, когда ее наличное бытие ограничено. Истинное обретение свободы не сводится к лишь ее внешнему проявлению, а во многом есть следствие изменения личностного «Я» за счет экзистирования с помощью неантисципации, построения жизненного проекта, дающей взгляд в будущее рекогносцировки или трансформации смысловых установок. Она предстает антропологическим и социокультурным явлением, позволяющим личности реализовывать возможность перехода потенциального состояния в реализованное за счет деятельности как движения к запланированному результату, требующему волевого усилия и самодетерминации.

2. История человеческой культуры есть история расширения границ человеческой свободы и одновременно сужения границ ее субъектности. Условием свободы является активная и преобразующая деятельность ее носителя. Истинная личностная свобода возникает тогда, когда не происходит перекоса в сторону пустой субъектности или, наоборот, превращение в придаток всеобщего, в растворенность в коллективном целом. Всю историю культуры следует рассматривать как эволюцию социальных и культурных практик, трансформировавшихся от безальтернативного исполнения виталистических потребностей к традициям и обычаям, предполагающим следование коллективному опыту, а затем – к социокультурному порядку, допускающему проявление собственной свободной воли человека, основанной на самостоятельном выборе вариантов поведения в различных жизненных обстоятельствах.

3. Созидающая полноту человеческого существования экзистенциально-онтологическая связь фундаментальной этически антиномичной силы свободы с границей представляет собой проявление единства личности, беспредельной в самопроектировании к бесконечным возможностям, и конкретной ситуации, ограничивающей личность и являющейся источником сопротивления ограничениям. Не ограничиваясь рамками наличного «Я», личность, устремляясь к будущему, проектирует в результате целеполагания саму себя и, реализуя созданные проекты, преодолевает существующие объективные границы ситуации, в которой протекает деятельность. Рефлексивное переживание ответственности за темпорализацию и самотрансцендирование в процессе проектирования, отражающее процессуальную сущность личностной свободы, актуализирует состояние бифуркации как неустойчивости абсолютной возможности и, иницируя пограничные ситуации страха, колебания и неуверенности, формирует существование как скрытую трансцендентность и спонтанность жизни. Попытка самореализации личности, неизбежно укрепляя ее связь с миром и другими людьми, в то же время сужает границы самопроявления в бытии. В то же время свобода разжигает пассионарность человека на основе стимулирующей творчество неудовлетворенности характером

наличного бытия, обнаруживая себя экзистенциальным крещендо сущностных сил настоящего к приоритетной смысложизненной цели человека.

4. Целостная экспликация личностного самотрансцендирования в свете важнейших человеческих экзистенциалов сквозь призму категории свободы в социокультурной реальности актуализируется на базе философско-антропологического обобщения исследований, выполненных в рамках различных парадигмальных подходов. Деконструкция узких рамок изучения свободы в контексте жестких бинарных оппозиций предполагает установку на поливариантный характер выявления ее сущностных характеристик за счет обращения к смежным контекстуальным пространствам. Применение данного подхода выявляет несовпадение на уровне социокультурных практик границ свободы и ответственности в деятельности социальных субъектов, что порождает в массовом сознании понимание свободы как расширения властных полномочий за счет повышения социального статуса. Поэтому средством обеспечения личностной свободы в обществе, механизмом ее внедрения в общественное сознание выступает право, наряду с традициями религии и морали. Становясь в таком случае условием самореализации личности, свобода проявляется не только в том, что самореализующаяся личность обладает объективной автономией, обусловленной природными и социальными закономерностями, но и степенью развитости ее субъективности: увеличение границ свободы всегда означает и расширение границ творческого потенциала реализации творческих способностей и возможностей.

5. Человек, обладая свободой, есть открытый самотрансцендирующий проект, самостоятельно ведущий свою жизнь и постоянно выходящий за пределы своего наличного «Я». Неудовлетворенность собой выступает источником непрерывного стремления человека к самообновлению, что приводит к постоянной смене форм жизни и культуры как специфического способа самосуществования человека. Быть человеком значит выходить за пределы самого себя. При этом самотрансцендирование свободы личности должно эксплицироваться как активная и продуктивная творческая реализация позитивной свободы личности в рамках позиции философско-антропологического реализма. Свобода как сверхфизическая ноуменальная основа человеческого измерения бытия наделяет человека, в отличие от животных, качеством незавершенности и открытости, обуславливает специфику контекстуальности и интенциональности его экзистенции, выхождение за рамки наличного бытия. Экзистенция человека есть то, что пребывает на границе и является двойственным в величии и нищете человеческого. Самотрансценденция личности к бытию есть развитие духовного измерения личности как ключевого измерения подлинно человеческого бытия, вырывающего человека из мертвого пространства Ничто, которое предстает в таком измерении не как небытие, а как потенциальная возможность.

6. Специфика самотрансцендирования личностной свободы заключается в том, что она оказывается присущей человеку, имеющему достаточно высокий уровень физического, социального, психического и духовного развития, при котором человек оказывается способным, преобразовывая окружающую действительность, сохранять внутреннюю целостность относительно независимо

от воздействия факторов социокультурной реальности. Для того чтобы быть носителем свободы, человек должен стать личностью, обладающей гармонией самореализации и нравственного самоограничения. Устремляясь к перманентному процессу самотрансцендирования и самоутверждения в рамках социокультурного пространства, подлинная личность всегда рефлектирует о границах своих возможностей, представляя самоопределяющуюся, самодетерминирующуюся и самодеятельную. Данные способности произрастают из автономности чувств и желаний, а также из оригинальности, креативности, критичности и независимости мышления, ибо в условиях мыслительных операций человек получает возможность преодоления собственной единичности, освобождения от аффектов и создания условий для самодетерминации своих желаний и действий, при этом внешние детерминанты для личности приобретают детерминирующую роль лишь сквозь призму внутренних.

7. Фундаментальной философско-антропологической проблемой самотрансцендирования свободы является поиск наиболее оптимального социокультурного и личностного баланса свободы, который бы становился гарантом минимизации деструктивных и максимизации конструктивных проявлений свободы. Гарантацией того, чтобы свобода не становилась субъективным фактором усиления ощущения неопределенности и страха, является воспитание в человеке как личности умения продуктивно пользоваться свободой: личности нет вне позитивной свободы, а позитивная свобода создается лишь личностью. Свобода не является самоцелью, а выступает основным условием превращения жизни людей в постоянный процесс развития и реализации ими своих потенций. Личности, нашедшей себя, развившей свой потенциал и нашедшей свою целевую аудиторию в социокультурной реальности, дающую ей позитивную обратную связь становится незачем и некогда проявлять сознательную деструкцию. Являясь носителем автономной энергии личности, человек свободно может развивать свой внутриличностный потенциал, при котором свобода становится созидательной силой, творчески самотрансцендирующейся в социокультурном пространстве, выступая фактором творческого созидания, при котором разрушению подвергается лишь устаревшее, ошибочное, отжившее и препятствующее прогрессивному поступательному развитию природного и социокультурного пространства.

8. Личностная свобода как ценность связана с тем, что помогает человеку не только осознать имеющиеся препятствия и ограничения личностного развития, не только переживать имеющееся противоречие между «Я-реальным» и «Я-идеальным», но и формировать условия для воплощения смысла человеческой жизни, а также выхождения ценности его жизни за ее биологические рамки. Но в то же время, создавая потенциальную возможность победы над смертью и обретения относительного бессмертия, свобода как смысловая ценность есть фактор противостояния обесмысливанию жизни, механизм жизнеутверждения и нахождения смысла жизни не только за ее пределами, но и в ее очерченных границах. Собственные усилия человека, предпринимаемые им с целью самопознания и последующего самовоплощения, есть не только проявление человеческого самоопределения в самотрансцендировании его свободы, но и реализация его креативности.

9. В современной социокультурной реальности сосуществуют как механизмы подавления, так и реализации позитивной самотрансцендирующейся свободы личности. Подавление и реализация свободы есть процессы, которые чаще всего являются проявлением единого механизма регламентации, управления и регуляции свободы, который запускается в социокультурном пространстве со стороны различных ее субъектов. Управление свободой есть прежде всего контроль над сознанием объекта управленческого воздействия. Современные социокультурные механизмы управления свободой основаны на создании ощущения свободы действия управляемого индивида, в то время как объективно он никакой реальной свободы не имеет. В зависимости от субъекта регуляции свободы в современной культуре можно условно выделить информационные, образовательные, политико-правовые, социально-экономические, технологические, идеологические, духовно-нравственные, манипулятивные и другие механизмы. Манипуляция общественным сознанием есть одно из проявлений нормативно-регулирующей функции власти, поэтому она как функциональное свойство социокультурного пространства является достаточно универсальным явлением.

10. Процесс глобализации имеет амбивалентное влияние на свободу личности, при котором происходит как расширение границ внешней свободы за счёт появления новых видов коммуникации, так и нивелировка способов ее проявления за счет навязывания единых культурных стандартов жизнедеятельности. Индивидуализация в современной культуре проявляется в освобождении от традиционных форм социальной нормированности человеческих отношений, с точки зрения господства и подчинения, что приводит не только к освобождению пространства для выстраивания жизненной стратегии личности, но и к утрате ощущения стабильности, росту неопределенности, страха, риска и угроз. Жизнь в индивидуализируемом обществе поляризуется, что приводит к необходимости выработки новых стратегий жизни личности. Континуальная стратегия жизни личности позволяет преодолевать дискретность квантированных отрезков социокультурной действительности, воссоздавая утрачиваемую индивидуализацией стратегическую непрерывность жизненной биографии личности, а также преодолевает средовую асинхронию за счет выхода на новый уровень самореализации.

11. Культура постмодерна, принеся с собой потерю историчности, нарративности и глубинного измерения феноменов реальности, хоть и явила собой культуру абсолютизации личностной свободы, но при учете данных характеристик культуры, свобода лишается устойчивых ценностно-смысловых ориентиров культурного самовоплощения. Отказ от традиционного категориального аппарата философии, привел к утверждению, что никакая интерпретация свободы человека не может считаться единственной возможной, т.к. она предстает в бесконечном множестве своих граней и значений, а познающему человеку не доступны исходные, объективные и достоверные точки отсчета. Постмодерн утверждает идею о том, что свобода человека должна рассматриваться в ракурсе новой онтологии человека, связанной с концепцией саморасходующегося человека, способного понять и принять жизнь человека исходя из ее же истоков, когда каждый момент его жизни желателен ради него же са-

мого. Свобода человека в постмодерне есть процесс самодетерминации, проявленный как ответ на вызовы со стороны внутреннего и внешнего мира в единстве реакций случайности и целесообразности в контексте перманентных социокультурных трансформаций.

12. Отечественная философская традиция осмысления проблемы свободы вскрывает ее понимание именно как позитивной самотрансцендирующейся сущности. Русская философская традиция акцентировала идею о том, что свобода есть главная сущностная черта человека, которая плодотворной она становится лишь тогда, когда ведет не к человекобожеству, а к богочеловечеству. Ее вклад в экспликацию философско-антропологическую экспликацию свободы связан с идеей внутреннего освобождения человека от зависимостей внешнего мира в связи с приобщением к абсолютному и трансцендентному. В выходе за пределы самого себя как фактической данности, в возвышении над самим собой заключается духовная инстанция личности, внутренняя сущность ее житнетворческого проявления и ее бесконечность.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы связана с использованием ее основных идей в осмыслении глобальных и национальных проблем современности, в том числе социально-политического, экономического, правового и социокультурного характера, в том числе и в условиях нашей страны.

Отдельные выводы и результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по совершенствованию политико-правовых стратегий развития общества.

Кроме того, результаты диссертационного исследования можно применять в процессе преподавания целого ряда социально-гуманитарных дисциплин, особенно философии, философской антропологии, философии, культуры, социологии, политологии, правоведения, культурологии и других.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в монографии, ряде научных статей, в том числе в 15 научных статьях, рекомендованных в изданиях из Перечня Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Они неоднократно обсуждались в докладах на международных и всероссийских научных, научно-методических и научно-практических конференциях, в том числе:

– доклад на XVI Международной научной конференции «Научный потенциал современной России» (г. Липецк, Международного научного партнерства «Национальный фонд инноваций», 10 августа 2015 г.);

– доклад на Международной заочной научно-практической конференции «Современное общество, образование и наука» (г. Тамбов, ООО «Консалтинговая компания Юком», 30 сентября 2015 г.);

– доклад на II Международной научно-практической конференции «Основные проблемы общественных наук» (г. Волгоград, ООО «МЕ-технологии», 1 октября 2015 г.);

– доклад на XXI Международной научно-практической конференции «Приоритетные научные направления: от теории к практике» (г. Новосибирск, Центр развития научного сотрудничества, 13 января 2016 г.);

– доклад на XLIV Международной научно-практической конференции «Система ценностей современного общества» (г. Новосибирск, Центр развития научного сотрудничества, 14 января 2016 г.);

– доклад на VIII Международной научно-практической конференции «Наука третьего тысячелетия» (г. Курган, Научно-издательский центр «Аэтерна», 20 января 2016 г.);

– доклад на XI Международной научно-практической конференции «Научный поиск в современном мире» (г. Махачкала, Научно-издательский центр «Апробация РФ», НП «Научно-аналитический центр «Этноэкономика», 31 января 2016 г.);

– доклад на VIII Международной научно-практической конференции «Интеллектуальный и научный потенциал XXI века» (г. Уфа, Научно-издательский центр «Аэтерна», 1 февраля 2016 г.);

– доклад на VIII Международной научно-практической конференции «Научные исследования и разработки в эпоху глобализации» (г. Киров, Научно-издательский центр «Аэтерна», 5 февраля 2016 г.);

– два доклада на II Межвузовской научно-практической конференции научно-педагогических работников, аспирантов, практических работников «Экономические, правовые, социально-политические и психологические проблемы развития современного общества» (г. Ростов-на-Дону, Филиал ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону, 26 февраля 2016 г.);

– доклад на XI Международной научно-практической конференции «Научные дискуссии о ценностях современного общества» (г. Липецк, Научно-исследовательский центр «Аксиома», 27 февраля 2016 г.);

– доклад на XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правоприменительной и правоохранительной деятельности в современных условиях» (г. Новочеркасск, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 20 июля 2016 г.).

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, 3-х глав, содержащих по 4 параграфа каждая, заключения и списка литературы из 570 проработанных источников, несколько наименований, из которых написаны на иностранных языках. Объем диссертации в целом составил 377 страниц текста в компьютерной верстке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении характеризуется актуальность темы, уровень разработанности проблемы, цели и задачи исследования, объект, предмет, авторская гипотеза, теоретико-методологические основы, научная новизна, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость результатов, его апробация. Все эти пункты изложены в первой части автореферата.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования самотрансцендирования свободы личности» посвящена теоретико-методологическому и историко-культурному анализу самотрансценденции личностной свободы в свете философско-антропологического подхода.

В первом параграфе «Методологические подходы к анализу многообразия видов свободы» показано, что кажущаяся легкость понимания феномена свободы, присутствующая в обыденном сознании, рассеивается при попытке его научного, объективного и доказательного исследования, которое вскрывает его дуалистичность, антиномичность, противоречивость и амбивалентность, что порождает интерпретационную и внутридисциплинарную многогранность и многозначность его экспликации. Философия пытается решить проблему свободы доступными ей категориальными средствами, которые созданы другими такими же средствами, имеющими языковую природу. Однако в этом кроется сложность решения проблемы свободы, ибо попытка объяснить с помощью слова создаваемое другим словом оказывается порочным кругом, порождающим перманентную сменяемость философских концепций, что затрудняет возможность строгого концептуального решения и дефинирования концепта свободы.

Многообразие подходов к категории свободы в современных условиях носит преимущественно констатирующий характер и не вскрывает сущностные, генетико-феноменологические основания свободы. Это порождает необходимость философского поиска, который, однако, вне четко выбранного методологического инструментария может не столько привести к разрешению проблемы, сколько еще дальше увести от него в силу наличия огромного числа разнонаправленных и противоречивых трактовок данного феномена. Последнее актуализирует в исследовании свободы необходимость использовать исключительно философских методов, отказа от аморфных и расплывчатых трактовок, концентрации внимания на наиболее существенных сторонах свободы и применения строгой научной методологии.

Системное и точное, сущностное определение теоретического конструкта свободы с учетом актуальных философских и частнонаучных исследований, накопленных культурой за несколько тысячелетий в условиях современности достижимо за счет обращения к методологии философской антропологии. Философско-антропологическое и культурфилософское исследование феномена свободы предполагает рассмотрение его не только во всей содержательной, но и структурной полноте, что предполагает изучение классификационно-типологических характеристик и видов целостного и единого феномена свободы, а также различных форм ее проявления. Современное философско-

антропологическое знание, методология которого нацелена на интегрально-обобщающий характер исследования, располагает богатым теоретико-концептуальным и эмпирическим базисом, позволяющим осуществить наиболее целостное и фундаментальное структурное и классификационное моделирование феномена свободы. Философско-антропологическое обобщение различных методологических подходов к изучению феномену свободы позволяет получить необходимые общие методологические принципы для релевантного философско-антропологического исследования свободы.

Амбивалентность, противоречивость и неопределенность свободы затрудняет возможность полного и исчерпывающего постижения ее диалогичного и полилогичного характера, представляющего во множестве взаимосвязанных альтернативных признаков. Но исконная задача научного поиска не в том, чтобы отказываться от исследования сложных феноменов реальности и премножать неопределенность, а в том, чтобы, наоборот, открывая законы и закономерности различных граней реальности, стремиться к увеличению возможностей управления и прогнозирования усложняющихся процессов действительности, в том числе и свободы. В то же время сама свобода является условием, предпосылкой и онтологическим основанием научного творчества, специфика которого в то же время состоит в большей нормативности, парадигмальности, стремлении к общезначимости результатов и конвенциональности, что само по себе ограничивает свободу учёного. Однако свобода, выступая эвристическим принципом научного творчества и нося экзистенциальный характер, вносит в его результаты уникальность и неповторимость.

Одно из проявлений антиномичности свободы состоит в том, что в социально-политическом измерении, являясь постоянным идеалом человечества, свобода так никогда практически и не была реализована, постоянно перерождаясь либо в проявления анархии и произвола, либо в диктатуру. Поэтому всякая политическая институционализация свободы должна учитывать ее лишь как некую идеальную модель организации взаимоотношения человека и общества в отношении власти, направленной на обеспечение полноценной реализации человеком и обществом своего внутреннего потенциала.

Важнейшей методологической установкой в исследовании свободы является ориентация на ее процессуальный, одномоментный и ситуативный характер, поскольку свобода в каждый момент своего проявления имеет особую размерность, специфику и способ осуществления. Методологически несостоятельны рассуждения о свободе, осуществляемые вне конкретной ситуативности, времени и обстоятельств историко-культурного контекста. При знании и учете данного принципа общая логика и динамика развития свободы подходе оказывается направленной от обретения и роста индивидуальной автономии к прогрессирующей предоставленности человека самому себе. Реальные проявления свободы обусловлены условиями социокультурной реальности, при этом действительная свобода существует тогда, когда ее наличное бытие ограничено. Реальная свобода возникает в случае появления возможности практического использования или преодоления необходимости.

В зависимости от типа личности как носителя свободы и ее положения в системе внешней и внутренней свободы человек может быть: либо несвобод-

ным, либо осознающим внешнюю несвободу и внутреннюю свободу, либо внешне свободным и внутренне несвободным, либо внутренне свободным безотносительно к внешней свободе, либо в целом самодостаточным. Внутренняя свобода наиболее ярко развивается в личности в условиях внешней несвободы и, наоборот, высокий уровень внешней свободы при определенных условиях есть фактор, препятствующий развитию внутренней свободы.

Методологически значимым с позиций философско-антропологического исследования является раскрытие содержания свободы, условно дифференцированной на свободу выбора, свободу желания и свободу действия. В свободе выбора речь идет о внутренних границах хотения человека: человек выбирает тогда, когда разнообразные воления в одно и то же время не могут трансформироваться в единовременно протекающие действия. Свобода, таким образом, достигается человеком за счет преодоления противоречий в осуществлении выбора, блокировка которого может происходить либо в случае уравновешенности мотивов, либо в силу навязывания мотивов извне, что ставит вопрос не столько о свободе выбора, сколько о свободе желания. Свобода желания или, другими словами, хотения не должна смешиваться с самим желанием или хотением, которое как особенный человеческий экзистенциал, присущий человеку как мыслящему существу, не детерминируется никакими причинами внешнего или внутреннего характера. Основанием иллюзий свободы желания выступает ошибка констатации соответствия между внутренне осознаваемой и фактически реальной свободой субъекта, а также вследствие ошибочного ощущения человеком свободы актуального, процессуально длящегося жизненного момента без учета ее состояния в целостном охвате временной перспективы прошлого, настоящего и будущего. Свобода же действия всегда объективно ограничивается законами и свойствами физической реальности. Однако истинное обретение свободы не сводится к лишь ее внешнему проявлению, а во многом есть следствие изменения личностного «Я» за счет экзистирования с помощью неантисипации, построения жизненного проекта, дающей взгляд в будущее рекогносцировки или трансформации смысловых установок.

Методологически значимой является субъект-объектная парадигма исследования свободы. Она формирует предпосылки исследования свободы как субъектности в единстве с объектностью, что позволяет учитывать концепты отчуждения, реификации, а также раскрывать диалектику фундаментальных процессов личностного и социокультурного бытия человека в их экзистенциальных и социокультурных проявлениях. Человек, существуя не только в субъект-субъектном измерении, образующим его жизненный мир, но и в интеробъективном измерении, проявленном в системах безличных объектных сущностей, соприкасается с различными проявлениями свободы: «внесистемной», фиксирующей уникальность индивидуально-личностной экзистенции и неповторимость жизненной судьбы личности, и «системной», существующей как набор ресурсов и возможностей самоосуществления в рамках регламентированного набора предписаний, ограничений и требований. В рамках самотождества свобода обретается на основе баланса таких фундирующих начал человеческой жизни, как реляционность (по отношению к значимым событиям и

обстоятельствам – начало, предотвращающее самозамыкание, изоляцию и аутизм) и субстанциональность Я (как, наоборот, собирающее начало личности, сохраняющее ее от растворения в обстоятельствах, утрату себя).

Свободу следует считать характеристикой, соотносимой преимущественно с человеком и всем производным от человеческого, т.е. обществом и культурой. Свобода есть антропологическое и социокультурное явление, позволяющее личности реализовывать возможность перехода потенциального состояния в реализованное за счет деятельности как движения к запланированному результату, требующему волевого усилия и самодетерминации. Сущность свободы заключена в потенциально заложенной возможности самореализации личности в процессе ее деятельности в рамках конкретно-исторической социокультурной реальности, которая имеет диссипативный характер, т.е. находится в постоянном обмене со средой веществом, информацией и энергией, являясь открытой системой. Синергетика как теория самоорганизующихся и открытых систем строится на принципах становления и свободы. Поскольку любой человек является носителем достаточно непредсказуемых когнитивных и эмоционально-волевых составляющих, он потенциально содержит в себе огромное многообразие вариантов действий в одинаковых условиях, что провоцирует неустойчивость диссипативных систем. И от этого человек по-настоящему свободен: оставаясь самотождественным, человек, тем не менее, является саморазвивающейся и открытой системой, способной к изменению своих свойств и их проявлений. Учитывая, что человек, будучи носителем уникальных индивидуально-личностных характеристик, окружен самыми разными людьми, также внутренне своеобразными и специфическими, приходится констатировать слабость детерминистских позиций в объяснении специфики человеческих отношений, всегда имеющих в процессе развития вероятностный характер. Поэтому человеку трудно не только прогнозировать поведение других людей, но и с уверенностью знать то, как он сам поступит в тот или иной момент его жизни. В этом и заключена свобода человека как субъекта эволюции универсума.

Во втором параграфе «Свобода человека в культурно-исторической перспективе» отмечается, что эпистемологическая трудность и парадоксальность изучения свободы в рамках культурфилософского и философско-антропологического исследования продиктована тем, что сама нормативность требований научной рациональности, определяющая формальную сторону представления результатов исследования, сама по себе является фактором частичного редуccionизма (т.е. ограничения свободы в изучении свободы), что несовместимо с установками целостности, всеохватности и широты философского поиска. Однако интегративный методологический инструментальный и абстрагированный категориальный аппарат культурфилософского и философско-антропологического анализа являются средствами, позволяющими избежать редуccionизма и достигать наиболее свободного от неоправданно жесткой нормированности и стереотипизации результата.

Исходной методологической предпосылкой анализа свободы в историко-культурном процессе является признание того, что историческое развитие культуры обладает определенной направленностью. Идеиные основы культу-

ры закладывали и продолжают закладывать фундамент для трансформаций свободы, которые представляют собой ее качественные изменения, сопровождающиеся не только преобразованием ее воплощений, но и появлением качественно новых модификаций, модусов и форм проявления.

История человеческой культуры есть история расширения границ человеческой свободы и одновременно сужения границ ее субъектности: от племени, общины и рода к конкретной личности на различных этапах ее жизненного пути. В первобытном обществе границы свободы человека определялись мононормами, которые не давали преимуществ одним членам общества по отношению к другим. Данный универсализм был связан с образом жизни первобытного человека, направленность деятельности которого не предполагала вариативности, поскольку определялась преимущественной ориентацией на удовлетворение базовых виталистических потребностей и сравнительно примитивным удовлетворением потребностей социокультурного характера.

В античности впервые стали употреблять понятие «свобода», хотя оно появилось еще в XXIV в. до н.э. Античности не удалось достичь представления о личности как независимой духовной реальности, а господствующей стала идея об истечении души и разума человека из космоса, которому они и подчинены. Поэтому античное понимание свободы не содержит идеи автономии субъекта. Но это не мешало античным мыслителям рассматривать проблему свободы как одну из ключевых смыслоопределяющих проблем человеческой жизни. Именно античные мыслители четко разграничили как позитивный, так и негативный характер свободы, трактуемой как проявление высшего духовного начала, детерминирующего мир материи. Свобода человека в классический и римско-эллинистический периоды развития философии начала постепенно отождествляться со способностью человека управлять собой, контролируя душу и тело, а также со стремлением к высшему духовному началу.

Как самостоятельная философская проблема свобода оформляется в XIV веке в недрах христианской теологии. В средневековой философской мысли стала намечаться и ключевая философская проблема свободы: проблема ее детерминированности. Христианское понимание свободы, которое стало фактором постепенной элиминации категории абсолютно бесправных людей, связано с появившейся тенденцией смягчения форм несвободы и заменой ее юридической природы экономической. В то же время свобода человека в средневековье сдерживалась жесткой иерархией, строгой ритуализацией феодального общества, не исключала зависимости человека: специфика его правового статуса состояла в системе всеобщего господства и подчинения, поскольку никто не мог считать себя полностью свободным. Человек видел себя не как индивидуальность и личность, а лишь сквозь призму социальной роли, которую считал ее естественной.

В эпоху Возрождения свобода трактуется как возможность проявления творчески всесторонней реализации человеческой личности. В человеке впервые ярко и полноценно пробуждалось индивидуально-личностное начало в современном его понимании. Возникла креативная трактовка свободы, сущность которой состоит в том, что истинная свобода достижима тогда, когда человек развивает и применяет свои творческие способности, поскольку

именно творчество в любом его проявлении и есть свобода, которая если и может быть ограничена, то в основном физическими возможностями творца. Ренессансный гуманизм стал временем освобождения человека от жестких требований средневековой морали. Свобода и полноправие граждан становятся особой ценностью, наряду с такими ценностями, как индивидуальность и незаурядность, предприимчивость и энергичность, ум, труд и знания, которые должны быть направлены на достижения земного счастья за счет собственных усилий в гармонии интересов личности и общества. Эпоха Возрождения породила в человеке стремление к славе, наличие которой выводит личность как ее носителя за рамки биологического существования. И осознание того, что после смерти человек все равно останется в памяти современников и потомков, стало фактором, осмысляющим и увеличивающим значимость всех смысложизненных устремлений.

В Новое время в рамках философии естественного права свобода человека, как и его жизнь, впервые провозглашается естественным состоянием человечества, которое предшествовало появлению государства. В данной философии утверждается, что торжество полной и абсолютной свободы ограничивается лишь законами природы. Но в то же время свобода есть удел лишь людей, наделенных разумом и действующих в соответствии с его указаниями. Побуждающей силой разума является беспокойство. И чем оно сильнее, тем больше оно определяет поведение человека. Однако многие люди готовы утратить естественную свободу в обмен на подчинение, в том числе и государству, опасаясь того, что нерегламентируемое положение свободы создает угрозу войны и самоистребления человечества. Данная идея была охотно поддержана французскими просветителями.

Либерализм как доктрина свободы, возникнув в Новое время параллельно с философией естественного права, начиная XIX века интерес переживает новый всплеск интереса, во время которого в социокультурном пространстве усиливается интерес и к либеральному стилю жизни, основанному на философских, политико-правовых и экономических идеях, в основе которых лежит категория свободы. Важнейшими идеями либерализма стали идеи: изначально присущей человеку свободы, возможности самореализации, обеспечиваемой собственностью и политико-правовыми институтами; приоритет частной пользы, свободный обмен мнениями и ценностями на условиях свободной конкуренции; осознание того, что раскрытие личностного потенциала человека неизменно приводит к росту благосостояния общества. В условиях современности идеи либерализма, несмотря на частую их критику, продолжают быть актуальными, но далеко не всегда выражают наличную свободу личности, а необходимость одобрения социумом изначально имеющегося права человека быть свободным делает его, наоборот, зависимым и уязвимым, порождая неуверенность и незащищенность. Отсюда апелляция либерализма к закону и праву, что выявляет его родство с консерватизмом.

Рационалистическая концепция свободы, возникшая в Новое время и отождествляющая свободу с разумом, позволяющим обуздывать страсти, существовала с более влиятельной детерминистской экспликацией свободы. Философская значимость Спинозианского детерминизма в понимании свобо-

ды обусловлена его идеей о том, что необходимость при определенных условиях может становиться свободой не только в познании, но и в бытии. Человеческая свобода есть не столько способность, сколько специфическое и довольно редкое достижение человеческого познания, она является преимущественно уделом интеллектуальной элиты, поскольку ее достижение становится возможным только в результате преодоления сложнейшего барьера незнания. Условием же свободы является не столько созерцание, сколько является активная и преобразующая деятельность ее носителя. Лишь многообразная и многогранная деятельность по освоению и преобразованию окружающего мира может привести к познанию необходимости. Данная идея перекликается с лейбницианской, согласно которой истинная свобода заключена в осознании субъектом своего внутреннего опыта и предполагает активную рефлексивную и социальную деятельность, требующую не только развитой воли, но и разума, поскольку пассивность и неразумность противоестественны человеку и ведут к страданию.

Качественно новая кантианская экспликация свободы как ноуменальной сущности, выступающей безосновной основой бытия, которой вменена ответственность, принесла с собой несогласие со Спинозианским пониманием свободы как познанной необходимости, ибо такое познание скорее приводит к прогрессу в естествознании, но не в этике. Свобода человека в таком прочтении лежит не в эмпирической, а в сверхчувственной реальности. И дуализм это наличествует и в человеке. В новом же кантианском подходе была предложена интеграция негативного толкования свободы как независимости с ее позитивным толкованием как самозаконности человеческой воли, имеющей право устанавливать собственный моральный закон для самой себя и таким образом самодетерминирующей.

Фихтеанская философия свободы провозглашает строжайший детерминизм, в котором сама возможность свободы связывается лишь с человеком как творцом исторического процесса. В данной философии этические и философские индивидуалистические попытки рассуждений о конструировании свободы несостоятельны. Только принеся свою жизнь жизни рода, человек в истории может добиться свободы. Свобода – понятие историческое, поскольку очевидны различные уровни, ступени и виды отвоёванного родом человеческим пространства свободы. В применении относительно свободы принципа историзма и следует усматривать заслугу философа в экспликацию проблемы свободы.

Шеллингианская трактовка свободы специфична тем, что умопостигаемая сущность каждой вещи и, в первую очередь, человека, находится вне всякой причинной связи, а также вне всякого времени или над ним. Поэтому эта сущность никогда не может быть определена чем-либо предшествующим ей. Свободным является то, что действует сообразно собственной сущности. Поэтому понятие свободы оказывается в данном случае тождественным понятию необходимости. Свобода сводится в имманентной необходимости, кардинально отличной от внешней необходимости, противостоящей свободе. Однако идея тождества свободы и необходимости не исключает наличия противоположности между ними, которая особенно существенна в общественно-исторической

жизни человека и которая выступает движущей силой человеческой деятельности. Однако борьба между свободой и необходимостью не предполагает победителя или побежденного, поскольку они первично, субстанционально тождественны.

Свобода личности как конкретное единство единичного и всеобщего в гегелевской философии считается основой историко-культурного процесса. Вся история в гегельянстве представляет собой развитие принципа сознания свободы. Свобода реализуется как воля, и все свободное и есть проявление воли как особого практического способа мышления субъекта. Свобода самосознания возникает тогда, когда человек удерживает свое «Я» тогда, когда превращает чужой для него объективный материал в собственный, субъективный. Постигая культуру, всеобщее и объективное, человек постепенно становится свободным. Но, с другой стороны, единичное должно со временем начать преодолевать давление всеобщего, постигая и растворяя его в себе. Чтобы быть свободным, единичное (личность) должно обладать равной силой или даже стать сильнее всеобщего. Единичное и всеобщее всегда есть единство противоположностей, в котором свобода выступает как условие их взаимосвязи. Истинная личностная свобода возникает тогда, когда не происходит перекоса в сторону пустой субъектности или, наоборот, превращение в придаток всеобщего, в растворенность в коллективном целом. Истинная свобода достижима тогда, когда единичное, проникшись всеобщим, возвращается к единичному, когда субъект, становясь объективным, не перестает быть субъектом. Свобода самоопределения личности есть способ реализации ее продуктивных творческих сил. При этом возможность быть счастливым определяется как собственной волей человека, так и от внешних обстоятельств и социума. Чтобы воплотить свое предназначение, человек должен быть личностью и обладать талантом, причем одно всегда предполагает другое. Обладая талантом, личность в процессе создания произведения, невзирая на его самобытность и оригинальность, воплощает не только и не столько индивидуальное, единичное, сколько объективное и всеобщее. Это является условием того, что особенное станет всеобщим, а значит и понятным всем. Без этого произведение не становится частью культуры, становится проходящим, вторичным.

Волюнтаристские концепции свободы связаны с постулированием ее трансцендентального характера, попыткой усмотрения ее истоков в мировой воле, ничем не ограниченной и всемогущей. Сознание же личностной самостоятельности, которое сопровождает все поступки человека, должно отсылаться на другие предметы нежели, чем те, которые воспринимаются непосредственно. Иными словами, любые поступки совершаются вследствие достаточного мотива, который, однако, часто человеком не осознается. Человек оказывается несвободным в выборе между имеющимися мотивами собственных действий. Поэтому относительная свобода определяется силой желания, подавляющей борьбу мотивов.

Ницшеанская трактовка свободы человека основана на идее освобождения человека от аффектов и страстей, от стереотипов и раз и навсегда предписанных моральных установлений. Свобода ума приводит к свободе не в мифологическом, а в реальном смысле. Она является уделом лишь тех, кто смог

порвать с разного рода зависимостями и не привязываться ни к кому и ни к чему. Когда в человеке развивается интеллект, самообладание и ответственность, то создаются предпосылки и для проявления зрелой свободы духа. Свободная жизнь начинается тогда, когда человек имеет решимость сознательно развивать в себе новую культуру, становясь властелином своих добродетелей и умея применять их для достижения собственных целей. Чтобы быть свободным человек также должен быть воином, активно преодолевающим возникающие сопротивления. Именно это является залогом становления свободной личности, активной, крепкой, самостоятельной и властной, желающей господствовать, а не подчиняться и приспособляться.

Натуралистическая экспликация свободы, получившая распространение на рубеже XIX – XX веков, заключается в усмотрении фундамента свободы в природосообразности жизни человека. Натурализм постулирует: чтобы обрести свободу, человеку нужно дать волю природным инстинктам и не считаться с социальными установлениями. Данная концепция, однако, не учитывает, что по сравнению с миром природы, особенно с животными, человек вне культуры гораздо более беспомощен и не обладает в достаточной мере такими врожденными инстинктами, которые бы смогли ему обеспечить условия для выживания. И если дать волю тем немногим инстинктивным проявлениям, которые у него есть, то он вряд ли сможет достичь достойного, здорового, продуктивного и счастливого существования, а также гармоничного сосуществования. Натуралистическая линия в понимании сущности свободы привела во второй половине XX века к ее постмодернистской трактовке, абсолютизирующей свободу человеческого желания, ставящего его в качестве едва ли не единственного руководства в смысложизненной ориентации человека в пространстве современной культуры.

Социологические концепции свободы акцентируют внимание на экономико-политических проявлениях свободы как наличия и возможности выбора граждан в указанных сферах. Согласно марксизму, люди не выбирают объективные условия своей деятельности, но они свободны в выборе ее целей и средств, а также что свобода личности достижима вместе с развитием свободы общества. Свобода для человека начинается только как результат познания общественных закономерностей, а под свободой понимается освобождение человека от отчуждения в рамках общественного производства. Но вряд ли предоставление данного рода свобод человеку может служить единственной гарантией свободы каждого члена общества.

Этическая трактовка проблемы свободы сводится к моральному выбору человека между добром и злом, при этом стоит считать не решенным вопрос о мотивации данного выбора. Данная трактовка частично перекликается и с позицией христиански ориентированной философии, которая в XX веке испытала на себе влияние марксизма и экзистенциализма. Проблема социальной свободы в данной философии решается не только с онтологических, но и практико-практиологических позиций. При этом человек, как и прежде, понимается как наделенный разумом и свободой выбора и действия, позволяющей занимать активную позицию в жизни и творческую самореализацию.

Психологический дискурс по поводу проблемы свободы часто сводится к свободе воли как возможности принятия человеком решений, при этом свобода чаще понимается как состояние волеизъявления, а не как процесс. Мечтая о свободе, человек не всегда имеет ясное представление о ней. Часто понимая свободу как независимость от кого-либо или чего-либо и обретая ее, он начинает чувствовать себя одиноким, что в свою очередь заставляет его бежать от свободы, понимая, что она противоречит его фундаментальным потребностям в общении и любви. Но стремление человека к свободе неискоренимо: являясь фундаментальным экзистенциалом человеческого бытия, свобода на протяжении всей истории человечества являлась и продолжает быть одним из важнейших идеалов, за который люди не жалели отдавать жизнь. Поэтому необходимо формирование разумного отношения человека к свободе, а также создание в обществе определенных факторов, которые определяют социальное бытие человека и удерживают его от непоправимых ошибок, повышая способность к разумному и объективному мышлению.

Достижения, накопленные в сферах духовной и материальной культуры, свидетельствуют о постоянном расширении потенциала и реальных механизмов освобождения человека от ограничивающих обстоятельств его социального бытия. Современный человек все более выступает активным субъектом исторического процесса. Всю историю культуры следует рассматривать как эволюцию социальных и культурных практик, трансформировавшихся от безальтернативного исполнения виталистических потребностей к традициям и обычаям, предполагающим следование коллективному опыту, а затем – к социокультурному порядку, допускающему проявление собственной свободной воли человека, основанной на самостоятельном выборе вариантов поведения в различных жизненных обстоятельствах. В силу этого история культуры может быть эксплицирована как история движения от инстинкта к свободе за счет частичного преодоления обычая в силу ослабления социального контроля над человеком и расширения диапазона допустимых возможностей свободной самореализации.

В третьем параграфе «Свобода в контексте сущности и существования человека» автор обосновывает мысль о том, что свобода является центральной философской категорией, характеризующей не только сущность человека, но и его существование, проявляющееся в его способности самостоятельно мыслить и поступать в соответствии с собственными интенциями, а не в силу принуждения. Свобода и человеческое существование исконно неотделимы друг от друга.

Становление аутентичной личности обуславливается степенью осознания человеком себя как независимого и относительно самостоятельного существа, имеющего частичную автономию по отношению к природному и социальному миру. На ранних этапах развития культуры человек достаточно длительное время не осознавал своей автономии по отношению к окружающему миру, чувствуя себя его частью. Как развитие культуры на уровне культурогенеза, так и развитие человека на уровне онтогенеза осуществляются по пути избавления человека от первичных уз, что порождает независимость, свободу, а также проблему смысложизненного самоопределения. Человек, приобретая

индивидуально-личностное своеобразие, влекущее за собой проблему одиночества, начинает воспринимать мир огромным, опасным, жестоким, угрожающим и наводящим ощущение страха, тревоги, а иногда и беззащитности. Для того чтобы чувствовать себя в безопасности, человеку имеет смысл при наличии определенной свободы, проявленной как личностная автономия, выстраивать конструктивные и плодотворные связи с природой и социумом, не поглощающие и не нивелирующие его индивидуальности. Наивысшими культурными формами проявления подобных связей являются: любовь и конструктивная творческая самореализация целостной и развитой личности.

Свобода человека определяется спецификой человеческого существования, меняя свою сущность в зависимости от последней. Существование человека неповторимо и обратимо. От этого трудно и даже почти невозможно анализировать становящийся процесс актуального существования человека. Анализировать проще уже состоявшуюся, прожитую жизнь, неоднократно возвращаясь и повторно анализируя то, что предстает как свершившаяся, ставшая, застывшая и неизменная данность. В этом и состоит преимущество естествознания по сравнению с гуманитарным знанием. В то же время свобода человека порождается именно в процессуальности его существования. Поэтому попытка дать единственно верное определение свободы неизбежно приводит к детерминизму, который является ошибочным.

В контексте философии существования человек таков, каким он сам себя хочет видеть, т.е. он свободен, сам формирует свой смысл жизни и личность в целом, а значит и ответственен за свои недостатки и ошибки. При данных установках детерминизм исключается. Детерминизм, требующий познания причин и следования объективным законам, перечеркивает такое фундаментальное свойство свободы, как трансцендентальность. Последняя же проявляется в том, что не определяется законами внешнего мира, не существует сама по себе как высшая цель, зато позволяет реализовывать личностную уникальность, творить человеку самого себя, позволяя ему быть сопричастным тому, что выше его самого. В этом смысле свобода актуализирует глубинные, экзистенциально-онтологические взаимосвязи, укореняющие человека в бытии. В экзистенциальной традиции, подчеркивающей движение «Я» к индивидуализации и самовыражению, ярче, чем в любом другом философском направлении реализуется не утратившая до сих пор актуальности идея о свободном превращении индивида в личность за счет процессов самопроектирования и борьбы, выбора и действия, переживания и творчества, активного стремления к самобытию и ответственности за принимаемые решения, преодоления страха, тревоги и отчаяния.

Главным проявлением свободы человека является экзистенциальный выбор – решения, которые касаются самых важных, судьбоносных событий, связанных с определением долгосрочной стратегии жизни личности, переводящей человека на новый уровень бытия. Вся жизнь человека, сущность которой рождается в реальном опыте существования, обусловленного экзистенциальными решениями, есть цепь отрезков его бытия, определяющих качественное своеобразие и уникальность его индивидуальной биографии.

Свобода выступает фундаментальной этически антиномичной силой, создающей полноту человеческого существования. Реальными для человека являются: его сознание и внешний мир. Однако поскольку сознание человека не содержит независимой от внешнего мира внутренней самостоятельности и всегда интенционально во внешний мир, то реализация фундаментального проекта для человека всегда затруднительна. Социокультурная реальность, ожидая от человека выполнения социальных функций, практически обезличивает его, превращая в машину, выполняющую эти функции. Существовая в пространстве рациональных схем и стандартов, безжалостной бюрократии, науки и техники, человек лишается подлинной целостности, спонтанности, свободы, непосредственности, т.е. живого жизненного опыта, самости, индивидуально-личностной сущности. Все это, так или иначе, провоцирует противостояние между личностью и обществом. И лишь в стихийности тревоги и отчаяния, страха и переживания, вдохновения и творчества, любви и страдания человек получает шанс осознания подлинной индивидуальности и личности.

Истоки мотивов прошлого, настоящего и будущего человека неразрывно связаны с влиянием свободы, которая, сталкиваясь с границей, препятствиями, определяет себе рамки, в ограничении которых и проявляются результаты человеческой деятельности. Связь свободы с границей представляет собой проявление единства личности, беспредельной в самопроектировании к бесконечным возможностям, и конкретной ситуации, ограничивающей личность и являющейся источником сопротивления ограничениям. Возникающая при этом ситуация неопределенности приостанавливает течение времени, помогая осознать недостаточность самобытия и спроектировать новые виртуальные возможности. Подобная ситуация выступает в роли свободной координации и свободного самоопределения, преодолевающего ограничения и нигилирующего тупиковость обстоятельств. Не ограничиваясь рамками наличного «Я», личность, устремляясь к будущему, проектирует в результате целеполагания саму себя и, реализуя созданные проекты, преодолевает существующие объективные границы ситуации, в которой протекает его деятельность.

Будущее человека является совокупностью его проектов, а сам он предстает как хозяин ситуации, который на основе самодетерминации волен ее организовывать, модифицировать, трансформировать, преодолевать или перестраивать. Поэтому быть свободным означает детерминировать свои желания. Тогда результаты деятельности человека в качестве следствия его желаний предстают как ограничения трансцендирования, как темпорализованные проекции его свободы. Человеческая экзистенция связана также с неантисципацией результатов деятельности личности: достигая чего-либо, человеческое «Я» аннулирует собственные достижения, устремляясь к новым целям и результатам.

Человек становится обезличенным, когда перестает выбирать самого себя, поскольку быть свободным означает быть самим собой. В то же время выбор себя предполагает и рефлексивное переживание ответственности за собственную темпорализацию и самотрансцендирование в процессе проектирования. Трансцендирование есть отражение процессуальной сущности свободы. Но свобода приводит не только к действию, но и к бытию. Свобода прояв-

ляется в том, чтобы быть и действовать одновременно, приводя к изменениям в окружающем мире. В этом огромную роль играет рефлексия, которая приводит человека к осознанию себя проектирующим свои результаты, а также к пониманию причин собственных действий. Именно это и является основанием для утверждения о том, что человек, являясь творцом своей жизнедеятельности, свободен в относительно детерминированном мире.

Свобода человека наличествует, прежде всего, тогда, когда он осознаёт, что его судьба всецело находится в его руках и что именно ему предстоит отвечать за всё то, что он совершает. Принять такую позицию массовому человеку довольно непросто, поскольку она достаточно сурова и безжалостна, но зато правдива и честна. Она не допускает возможности возлагать ответственность на кого-то или что-то в постоянно, непрерывно меняющейся жизни. Но не только массовый, но и человек элиты, которому не чуждо самостоятельное критическое мышление, на протяжении всей истории существования философии пытается усмотреть разумное в неразумном, порядок в хаосе, предсказуемость в непредсказуемости, закономерность в становящемся потоке бытия, чтобы ощутить опору, инициировать ощущение жизнестойкости. В каких-то сферах ставка на рационализм приносит свои позитивные плоды (в естествознании, науке, высокотехнологичном производстве), но она оказывается не жизнеспособной в попытках выстраивания прогнозов относительно непредсказуемости личностно-индивидуальной судьбы человека, перманентно длящейся в своей актуальности и подверженной случайностям.

Свободно действующий человек обретает свою сущность лишь в условиях подлинного существования. Свободный человек создает сам себя, свою сущность, сам строит свою мораль и сам делает моральный выбор, а также сам отвечает за его последствия. Человек, освобождаясь, выходит за пределы сущего в целом, т.е. трансцендируется в исходной открытости Ничто. Свобода представляет собой открытость человека неопределенности. Подлинное освобождение есть не только отбрасывание обязательств, но и наличие возможности реализации своих сознательных намерений. Возникающий страх как следствие выхода в неопределенность возможностей является естественным состоянием, предшествующим свободе и преодолевающим состояние произвола.

Преодоление человеком внешнего и внутриличностного произвола составляет ключевую сущностную характеристику свободы, обретаемую в процессе экзистирования в активном поиске самобытия, открытии возможностей саморазвития в соответствии с наличной исторической ситуацией. Ориентируясь в духовной ситуации времени, человек достигает осознание значения и смысла бытия. Все это указывает на экспликацию характера свободы как действенного феномена, заключающегося в целеполагании и целедостижении. При этом человек может жить, подчиняясь необходимости, и по большому счету человек никогда не бывает полностью независимым.

Становясь личностью, человек через свободу познает трансцендентность, освобождающую его от многих оков бытия в мире. Не удовлетворенный наличным социальным бытием, человек получает шанс выхода за его пределы и достижения подлинного самобытия. Построив в сознании образ желаемого

виртуального «Я», человек обретает возможность стать самим собой, при этом достигает возможного чаще всего тот, кто хочет невозможного, т.е. ставит сложные и долгосрочные цели. Сам человек есть возможность, которая всегда есть нечто большее, чем он сам знает о себе, поскольку он всегда есть не только постоянно актуализируемое существование, но и потенция, преодолевающая фиксированные формы поведения и шаблоны окружающего мира. Человек постоянно преодолевает себя, приводя себя в состояние бифуркации как неустойчивости абсолютной возможности и оказываясь в пограничных ситуациях страха, колебания, неуверенности и т.п. Свободой он создает свое существование как скрытую трансцендентность и спонтанность жизни.

Свобода определяет и способность человека, определив границы собственного мира, к активному отказу от рабского существования во имя сохранения собственного достоинства. При этом не следует считать, что свобода имеет что-либо общее с вседозволенностью и анархией. Свобода без границ ценна лишь тогда, когда она ведет к приращению ценностей и благ всего человечества. Осознание темпоральности виталистического бытия приводит личность к жизни в условиях понимания того, что вся она есть, так или иначе, трагедия неукоснительного и неумолимого, необходимого и необратимого движения к смерти. Причем следствием данного осознания для кого-то становится квиетизм, пассивность и беспристрастность, безропотное принятие своего положения как судьбы осужденного, приговоренного к смерти. Для других же данное осознание становится сигналом о необходимости активной деятельности и борьбы, которая бы формировала не просто жизнь, а жизнь, достойную человека как личности.

Человек нуждается в свободе движения к собственному смысловоплощению. Осуществление жизни со знанием ее смысла не может быть значимым потому, что предзаданный смысл жизни онтологически не возможен, как и не существуют раз и навсегда заданных универсальных ценностей, не обусловленных культурой, за исключением, пожалуй, ценности самой жизни. Таким образом, смысл жизни человека не конструируется или предписывается, а обретается и обнаруживается свободно в процессе и результате самой жизнедеятельности.

Этическая наполненность свободы обуславливается степенью самодетерминации проявления личностной и нравственной зрелости человека. Последнее превращает свободу в нравственную свободу, существующую в симбиозе с нравственной необходимостью, формирующейся у человека на основе усвоения исторически сложившихся моральных требований и норм. Нравственная свобода и нравственная необходимость, существуя в неразрывной связи в самосознании и поведении нравственного человека, являются руководящимися принципами его жизнедеятельности, основанными на развитом интеллекте и эмоционально-волевой культуре. Именно такое понимание свободы призвано обезопасить как отдельного человека, так и все человечество в целом от губительного парадокса свободы, при котором человек, отстаивая социальную свободу, теряет свободу духовную. Разрешение этого парадокса во многом состоит в отказе от претензий на абсолютность свободы. Именно отказ от максимализма претензий на абсолютность может дать тот компромиссный ва-

риант свободы человека, при котором его духовно-нравственная и социокультурная составляющие смогут гармонично сочетаться в процессе личностного самотрансцендирования.

Антиномичность свободы проявляется в том, что, с одной стороны, у любого человека наличествует его постоянная зависимость не только от обстоятельств жизни, случайностей, превратностей судьбы и воли других людей, но и от его же потребностей, интересов, желаний, страстей и надежд, но, с другой стороны, каждый шаг человека к реализации всего этого постоянно требует от него свободы самотрансцендирования.

Человек есть не элемент, воплощающий решение объективно существующих целей, а, наоборот, субъективный акт, имеющий интенциональные отношения к многообразию проявлений бытия. При этом экзистенция человека как отношение к бытию предполагает трансцендентность последнего, а также стремление человека к преодолению своей конечности с целью достижения воссоединения с бытием. Попытка избегания конечности существования человека с целью трансцендирования и воссоединения с бытием является фактором самоопределения и позитивного самоограничения, содействующего появлению ощущения стабильности и жизнестойкости. В этом заключен еще один экзистенциальный парадокс проявления личностной свободы, выражающийся в том, что любая попытка самореализации человека, неизбежно укрепляя его связь с миром и другими людьми, в то же время все более очерчивает и сужает границы проявлений человека в бытии. Свобода в данном прочтении разжигает пассионарность человека на основе стимулирующей творчество неудовлетворенности имеющимся положением вещей. Она есть экзистенциальное крещендо сущностных сил настоящего к приоритетной смысложизненной цели человека.

Более всего освобождает человека конструирование собственной личности на основе аутентичности, подлинного знания собственных характеристик индивидуальности, что в совокупности ведет к реализации своего назначения, своей миссии. Только тогда у человека наблюдается полнота его жизненной энергии, целеустремленность и сосредоточенность на реализации доминирующих жизненных целей и интересов. Поэтому свобода человека не наличествует изначально, а завоевывается в процессе всей его жизни, борясь против всего застывшего и устаревшего, творчески преобразуя его и сохранив собственную личностную аутентичность и уникальность. Достигнув внутренней свободы, человек неизменно начинает ее трансцендировать во вне. Если последнего не происходит, следовательно, ощущение внутренней свободы является иллюзорным, всего лишь ощущением, а не фактом внутриличностного бытия. В ходе же аутентичного существования человек обретает позитивную свободу для осуществления фундаментальных смысложизненных задач, утрачивая негативную зависимость от лабильности колебаний жизни. Реализуя свою самость в дискретных актах жизнедеятельности, человек конституирует свое «Я» как постоянно самораскрываемое единство и самоактуализируемую идентичность.

В четвертом параграфе «Понятие «свобода» сквозь призму философских категорий» автор отстаивает идею о том, что философско-антропологическому исследованию проблемы свободы человека в социокультурной реальности рубежа XX – XXI веков в значительной степени способствует рассмотрение понятия «свобода» сквозь призму смежных философских категорий. На сегодняшний день накоплен богатый теоретико-методологический базис исследования категории свободы в контексте других важнейших экзистенциалов человеческого бытия, что, с одной стороны, является показателем актуальной значимости данной проблемы, но, с другой – свидетельствует о необходимости философско-антропологического обобщения данных исследований, выполненных в рамках различных парадигмальных подходов. Целостная экспликация человека в свете важнейших человеческих экзистенциалов, в том числе и свободы, есть первоочередная задача философской антропологии и философии культуры.

Разрушение узких рамок экспликации феномена свободы (в контексте одной или нескольких жестких бинарных оппозиций) приводит к более глубокому пониманию сущности данного феномена в его взаимосвязях со смежными феноменами человеческого бытия. Философско-антропологический подход предполагает при рассмотрении любой проблемы установку на поливариантный характер ее экспликации за счет обращения к смежным контекстуальным пространствам.

Традиционная в историко-философском дискурсе дилемма соотношения свободы и необходимости решается в зависимости от эссенциалистской или экзистенциалистской направленности позиции того или иного философа. Для мыслителей, тяготеющих к эссенциализму, свобода предстает эманацией необходимости, содержащей, однако, и случайные отклонения от нее. Экзистенциалистское же мировоззрение преимущественно исходит из признания свободы как первичной реальности человеческого бытия. Существует и альтернативный подход к решению данной дихотомии, при котором свобода и необходимость изначально тождественны, а различие между ними возникает исторически и преодолевается в ходе развития правового строя. Многочисленные исследования показывают, что свобода есть не только познание необходимости, но и ее осознанное практическое использование. Рассмотрение свободы в контексте необходимости особенно является важным для определения степени личной ответственности человека за совершаемые поступки.

Классическое понимание категории «свобода» связано с ее экспликацией в рамках дихотомии «свобода/ответственность», при анализе которой указывается на то, что границы свободы и ответственности совпадают и чем больше свободы, тем больше ответственности. Дихотомическая схема «свобода/ответственность» применима лишь в идеальных условиях, в которых функционирует и реализуется принцип справедливости, ибо можно привести многочисленные примеры из различных областей социокультурной практики, подтверждающие несовпадение границ свободы и ответственности в деятельности социальных субъектов. В условиях социального неравенства привилегированные слои общества в социокультурном и политико-правовом отношении часто на протяжении всей своей жизни не несут ответственности за те по-

ступки, которые совершают. И, наоборот, непривилегированные свои общества часто расплачиваются за те решения, которых не принимали в силу отсутствия реальных рычагов свободного принятия решений. Именно поэтому в сознании личности как субъекта социальных отношений понятие «свобода» часто связано с расширением властных полномочий за счет повышения социального статуса.

Категория «воли» является столь же контекстуально близкой категорией относительно свободы, сколь и категория «ответственность». Один из парадоксов свободы воли заключается в том, что она, с одной стороны, есть то, что осуществляет человек в соответствии со своим желанием (что не противоречит его воле), но, с другой стороны, свобода проявляется в том, что человек может не поддаваться своим желаниям, действуя им наперекор (что требует волевых усилий). В первом случае воля отождествляется с желанием, а во втором – с умением противостоять ему. Воля в какой-то степени противоположна желанию, есть механизм блокировки желания, фактор возникновения антижелания. С другой стороны, воля есть равнодействующая желаний и механизм утверждения высшего желания. Свобода воли или свобода в контексте воли выступает способностью человека действовать вопреки отклоняющим воздействиям возникающих на пути целедостижения обстоятельств, соотнося действия с необходимостью, идеально выраженной в форме цели.

Адекватный и полноценный философский анализ сущности проблемы свободы немислим без ее рассмотрения в контексте проблемы права. Одним из критериев культурного прогресса является получение с каждой новой ступенью общественного развития дополнительных свобод, которые, однако, находясь в правовом поле, не становятся деструктивными для человека, а, наоборот, направлены на совершенствование качества жизни. Право является первейшим средством обеспечения личностной свободы в обществе, механизмом ее внедрения в общественное сознание. Сами нормативно-правовые акты являются мерами свободы в том или ином обществе, указателями и критериями возможного и дозволенного. Однако поскольку правовые нормы, хоть и обеспечивают человеку «свободу от», но еще не гарантируют наличие «свободы для». Более того, право не является единственным и безальтернативным гарантом свободы человека, иначе бы не существовали другие, как внешние (религия, мораль, общественное мнение, традиции и т.п.), так и внутренние (чувство ответственности, долга, совесть и т.п.) условия обеспечения свободы и самореализации личности.

Свобода, проявляющаяся как личностная автономия, является ключевым условием самореализации личности. Но как условие самореализации личности свобода проявляется не только в том, что самореализующаяся личность обладает объективной автономией, обусловленной природными и социальными закономерностями, но и, в первую очередь, степенью развитости ее субъективности. Путь к свободной самореализации не исключает предшествующего ей отчуждения от мира социума. Движение личности от отчуждения через самоопределение к суверенности является важнейшим фактором обретения свободы и субъективности как основ подлинной творческой самореализации.

Взаимосвязь свободы и творчества очевидна, поскольку свобода является не только условием, формой реализации, но и важнейшей сущностной и процессуальной характеристикой творчества личности. Увеличение границ свободы всегда означает и расширение границ творческого потенциала реализации творческих способностей и возможностей. Разумному человеку при прочих равных условиях, так или иначе, свойственно стремление к снижению процента нетворческой деятельности в пользу творческой, направленной на создание принципиально нового. Свобода является фактором развития личности через творчество. Самоощущение человека в творческом процессе является одним из механизмов достижения свободы и преодоления несвободы. Свобода и творчество взаимопорождают, взаимообуславливают в какой-то степени противостоят друг другу, т.к. второе выступает часто как завершение первого на определенном уровне, поскольку творческий акт ограничивает свободу своей предметностью. Однако в то же время реализация творческого процесса способствует и расширению пространства для дальнейшей свободы творчества, открывая перед творцом новые возможности.

Категория свободы является одной из центральных в сущности понятия «любовь», ибо подлинная любовь, в отличие от невротической или садомазохистской привязанности, страсти, влюбленности и т.п., основана на свободе и взаимопонимании обеих сторон. Подлинная любовь, добровольная и равноправная, создает союз, учитывающий своеобразие личности друг друга. С другой стороны, любовь есть фактор, ограничивающий деструктивное проявление абсолютности свободы за счет того, что она добровольно подчиняется в любви во имя блага по отношению к значимому Другому, к которому любящий испытывает эмоциональную привязанность.

Полноценный анализ феномена свободы должен включать в себя и исследование ее в контексте привязанности (зависимости). Привязанность к кому-либо или чему-либо предполагает эмоциональную несвободу от человека или какого-либо объекта или занятия, без которых человек не может вести нормальную жизнедеятельность и иметь позитивное ощущение и восприятие мира. В умеренных пределах все люди, так или иначе, привязывается к близким людям, видам деятельности, нормам жизнедеятельности и т.п. Однако, когда привязанность приобретает крайние формы и становится зависимостью, при которой человек перестает управлять собой и начинает демонстрировать зависимое поведение. Путь избавления от привязанностей и зависимостей все же также связан с развитием сознательного отношения к своей жизни и управлению своими когнитивными и эмоционально-волевыми состояниями, дающими человеку не только ощущение, но и реальное положение разумной свободы самообладания и относительной самодостаточности.

Взаимосвязь категорий счастья и свободы становится очевидной тогда, когда человек, являясь личностью, умеющей пользоваться позитивным характером свободы, открывающей перед ним возможности творческой самореализации, имея развитую волю, достигает поставленных целей, удовлетворяя тем самым свои желания. Поэтому удовлетворение желания, как и удовлетворение волевого, при всей их разности, приводит человека к положительным эмоционально-когнитивным состояниям, в том числе и их высшим формам, таким

как блаженство и счастье. Последнее же во многом достижимым становится тогда, когда решение, принимаемое на основе свободной воли, является рациональным. При этом критериями рациональности в данном контексте являются не только положительные эмоции, возникающие как следствие правильности выбора той или иной линии поведения и дающие ощущения радости, но и прагматические мотивы, которые указывают на том, что принятые решения ведут к успешному достижению поставленных целей и удовлетворенности. Счастье человека является состоянием, наступающим в результате выбора наиболее соответствующих особенностям личности способа, средств и механизмов собственного жизнеосуществления в конкретном социокультурном пространстве. Таким образом, гносеологическим механизмом генезиса волевого решения и практики направленной на то, чтобы быть счастливым, является механизм выбора, что трансформирует свободу воли к свободе выбора из имеющегося пространства возможностей. При этом важно отметить то, что некомпетентность, незнание существа дела, приводящее к невозможности рационального действия в условиях выбора, делает человека не только несвободным, но и несчастным. Выходом из данного положения несвободы может быть либо переключивание выбора на более компетентного человека, что менее предпочтительно, либо предварительное ознакомление с существом дела, которое обеспечит свободу рационального выбора и свободу эффективного действия.

Во второй главе «Философско-антропологические основания самотрансцендирования свободы личности» акцент делается на раскрытии антропологического смысла самотрансцендирования свободы, выявлении природных, социокультурных и личностных детерминант свободы, анализе ее конструктивного и деструктивного характера, а также выявлении специфики смысловой жизни аксиосферы.

В первом параграфе «Антропологический смысл самотрансцендирования свободы личности» обосновывается идея о том, что методологический инструментарий философской антропологии потенциально содержит необходимые ресурсы для целостного постижения и углубление в тайну человека и смысл его свободы. Однако ключевой предмет философской антропологии до конца никогда не может быть изучен, т.к. он находится в постоянном саморазвитии, что связано с бытийной пластичностью человеческого мира в условиях свободы.

Человек не всегда соответствует тому, что он есть сейчас, поскольку он всегда потенциально таков, каким может стать, потому что он является свободным существом, выходящим за пределы своего наличного «Я». Неудовлетворенность собой выступает источником непрерывного стремления человека к самообновлению, что приводит к постоянной смене форм жизни и культуры как специфического способа самоосуществления человека. Быть человеком значит выходить за пределы самого себя. При этом самотрансцендирование свободы личности должно эксплицироваться как активная и продуктивная творческая реализация позитивной свободы личности и не связываться с темой сверхъестественного начала, находясь в рамках позиции философско-антропологического реализма.

Чтобы понять сущность самотрансцендирования свободы, следует выяснить то, какова природа человека как мыслящего существа, которое способно к свободе. Свобода присуща человеку, и она есть важнейший экзистенциал именно человеческого бытия. Бытие же человека есть способ выявления его самого, в том числе его внутреннего мира в единстве внешним проявлением во всей полноте и богатстве его воплощений. Поэтому решение антропологического смысла самотрансцендирования свободы есть по сути дела решение вопроса об отличии человека от других живых существ и органического мира в целом.

Свобода есть сверхфизическая ноуменальная основа человеческого измерения бытия. Обладая свободой, человек, наделенный разумом, всегда имеет потенциальную возможность свободы от своего тела, характера, национальности, природных законов и религиозных догматов. В отличие от животных, всегда имеющих определенную биологическую законченность в их природно заданных функциональных целях, человек, невзирая на свою психосоматическую оформленность, есть всегда существо незавершенное, открытое, разомкнутое. Именно это делает для человека возможным осмысление контекстуальности и интенциональности его экзистенции, выхождение за рамки наличного бытия.

Наличие духа у человека является тем специфическим свойством, которое ставит его в особое положение в космосе по сравнению со всеми иными представителями органического мира, а самотрансцендирование за пределы «жизни» следует считать наиболее существенным признаком человеческого бытия. Дух является самотрансцендирующим фактором свободы человека, позволяющим ему преодолевать ограничения окружающей среды, выходя в открытый мир осознания бытия в его объективности. В то же время нельзя ставить знак равенства между свободой и сублимацией духом виталистического начала жизни.

Антропологические истоки самотрансценденции личностной свободы скрыты в биологической неприспособленности и недостаточности человека, что заставляет его постоянно действующим существом в целях обеспечения выживания. Кроме того, человек, выступая как личность, так и носителем пола, лишен другой половины человеческого бытия, но именно эта лишенность и выступает фактором, порождающим великую страсть, глубокие чувства, волю и томление по непреходящему бытию. Иными словами, именно половая проблема является фактором, энергетически формирующим источник самотрансценденции человека, основанной на способности фантазировать.

Проблема человека не должна решаться, исходя из допущения о существовании неизменного порядка, определяющего сущее, т.к. это не состыкуется с историчностью человеческого бытия. Человек, имея свободу, не может быть неизменной субстанцией. Он есть открытый самотрансцендирующий проект, самостоятельно ведущий свою жизнь. При этом фактором, связывающим внутренне и внешнее, имманентное и трансцендентное, является человеческое тело. А экзистенция человека есть то, что пребывает на границе и является двойственным в величии и нищете человеческого, проявляющимся во взаимодействии психического и физического, но преодолеваемого в свобод-

ном трансцендировании от тела к духу, что и позволяет человеку обрести человеческое.

Заявления о плюрализме человеческой природы, содержа рациональную основу для утверждения толерантности и апологетики альтернативных экономических, религиозных, социальных или сексуальных ценностей, все же далеко не всегда оправданы потому, что наряду с множественностью проявлений человеческого в природе человека, в нем наличествует некое универсальное единство. Но данное единство амбивалентно сочетается с его уникальностью, что актуализирует необходимость рассмотрения самой человеческой свободы как уникального процесса, позволяющего человеку становиться самим собой. Критерием аутентичности и свободы личностного развития является наличие у человека осознанной удовлетворенности общей смысложизненной направленности его бытия, а также возможности осознания и совершенствования собственного мироощущения, мирозерцания и миропонимания, а также переживания отношения к самому себе и своему положению и роли в окружающей социокультурной реальности. Для этого в микро- и макросоциуме должны быть созданы условия, способствующие подобному развитию, само наличие которых не гарантирует человеку возможности свободного развития, в чем и проявляется специфическая особенность человеческой природы.

В настоящее время особенно интенсивно происходит процесс расширения границ человеческой свободы и одновременно сужения границ ее субъектности. Человеческое Я в XXI веке в условиях современной цивилизации погружается в иррациональное пространство виртуальности, где оно становится внеположным результатам собственной деятельности личности, что превращает субстанцию свободы в симулякризованную неопределенность. Человеческое Я, утрачивая собственную меру ответственности, перестает быть потенциатором бытия, растворяясь в деиндивидуализированном пространстве современной техногенной инфраструктуры. Усложняющийся характер действительностью с возрастающей долей рисков и опасностей, возникающих как следствие непродуманных действий человека, порождает необходимость пониманию свободы как ответственности, актуальной в связи с обострением глобальных проблем современности.

Потребность в раскрытии антропологического смысла самотрансцендирования личностной свободы актуализирует вопрос о соотношении свободы и бытия, которое нуждается в постоянной подпитке, которой и выступает самотрансценденция личностной (и человеческой в целом) свободы. Реализация свободного творения требует движения в сторону обретения бытия за счет опредмечивания замысла. В этом случае свобода как потенциальная возможность реализации намерения предстает как причина бытия. Свобода не всегда предшествует бытию, часто она имманентна бытию, обладающему фундаментальным свойством свободной самоорганизации.

Самотрансцендирование свободы личности выступает основой вечного движения человека к самовоплощению и фундаментальным основоположением человеческого, социокультурного и природного бытия. Самотрансценденция личности к бытию есть развитие духовного измерения личности как ключевого измерения подлинно человеческого бытия, вырывающего человека из

мертвого пространства Ничто, которое предстает в таком измерении не как небытие, а как потенциальная возможность. Именно в такой экспликации свободу можно считать надбытийственной или предбытийственной, т.е. противостоящей бытию как необходимости. Хотя личностное бытие может проявляться не только в трансценденции, но и в объективации, которая хоть и наличествует, но является все же вторичной по отношению к личности.

Символическая система культуры, созданная в результате самотрансценденции свободы человеческих личностей, сама стала более широкой реальностью для человека, ее качественно новым измерением по сравнению с дочеловеческими формами жизни. Символическая система привела к опосредованию реакций психики человека на внешние стимулы за счет включения процессов мышления, что привело к тому, что человек перестал непосредственно противостоять реальности. Это привело к частичному освобождению человека, т.к. отдаление от ограничений физической реальности привело к росту свободной активности в символической реальности.

Во втором параграфе «Природные, социокультурные и личностные детерминанты свободы» отмечается, что специфика самотрансцендирования личностной свободы заключается в том, что она оказывается присущей человеку, имеющему достаточно высокий уровень физического, социального, психического и духовного развития, при котором человек оказывается способным, преобразовывая окружающую действительность, сохранять внутреннюю целостность относительно независимо от воздействия факторов социокультурной реальности.

Сторонники синергетики, воспринимающие реальность, в том числе и природную, как сложную совокупность взаимодействующих самоорганизующихся систем, склонны давать на этот вопрос о наличии свободы в природе положительный ответ, чем отрицательный. С этих позиций, основанных на признании целенаправленности действия природного начала Вселенной, свобода личности кажется лишь одним из проявлений действия более масштабного и глобального антропного принципа. В то же время отрицание свободы в природе должно быть и отрицанием свободы в биологической составляющей человека как социопсихобиологического существа. Так или иначе, природа оказывает детерминирующее влияние на проявление свободы человека, поскольку человеку приходится соотносить акты своего целеполагания, осмысления своего предназначения в мире с процессуальностью природного целого.

Одним из самых убедительных факторов влияния социокультурного пространства на расширение степени личностной свободы за счет изменения социального статуса является социальная мобильность. Человек в условиях демократических обществ имеет возможность за счет восходящей вертикальной мобильности повысить собственный социальный статус. Причем само это повышение и будет означать увеличение возможностей проявления его свободы. Интенсивность социальной мобильности в различных социокультурных пространствах не только неодинакова, но и колеблется в рамках одного и того же общества в разные периоды его истории, что дает основание предполагать отсутствие константной направленности в сторону ее увеличения или ослабления.

Социальные нормы, базирующиеся на методах подражания, внушения, убеждения и принуждения, задают правила совместного сосуществования людей, формируя их ценности и идеалы, без чего свобода личности немыслима. Обладая функцией социального контроля, социальные нормы играют ключевую роль в реализации механизма осуществления свободы личности, ее желаний, выбора и деятельности. Социальные нормы инкорпорированы и с нормами морали и права, усвоение которых также является необходимым для позитивного проявления личностной свободы.

Истинная свобода не сводится к отсутствию ограничений, а предполагает наличие не только внутриличностных, но и социокультурных условий и ресурсов для ее реализации. Социокультурная реальность формирует у человека не только убеждения, идеалы, ценности и верования, но также ресурсы и ожидаемую обратную связь от воплощения свободно возникшего желания в виде оценки и вознаграждения. Она устанавливает, что есть норма, а что – отклонение от нее, что есть здоровье, а что – болезнь, что добро, а что – зло. В этом и состоит социокультурный и правовой парадокс: человека называют свободным в условиях, постоянно сковывающих его свободу, но в то же время неизменно вменяя ответственность за его поведение. Разрешить его возможно за счет осознания идеи свободы, которое становится возможным при достижении определенного уровня личностного развития.

Для того чтобы быть носителем свободы, человек должен стать личностью, обладающей гармонией самореализации и нравственного самоограничения. Способность человека к свободе предполагает его личностную зрелость. В то же время сама свобода формирует мироотношение личности, которое является и в то же время проявлением свободы. Переживание личностного мироотношения снимает противоречие между полюсами самотрансценденции и объективации, самобытия и инобытия, доказывая наличие процесса личностного развития, имманентного свободе. Личностное бытие специфично по отношению к человеческому бытию вообще, поскольку содержит в себе не только потенцию быть, но и перманентный процесс самотрансцендирования и самоутверждения в рамках социокультурного пространства. Личность есть всегда носитель экзистенциальной потенции совершенствования себя и окружающего мира. Подлинная личность всегда рефлектирует о границах своих возможностей, она проявляется самоопределяющейся, самодетерминирующейся и самодетальной. Свобода становится бременем лишь тогда, когда у человека нет личностной готовности к ней, когда нет сформированной, зрелой и развитой личности.

Личностные детерминанты человека как носителя позитивной свободы состоят в способности к спонтанной активности, проявляемой в творческом труде и любви. Данные способности произрастают из автономности чувств и желаний, а также из оригинальности, креативности, критичности и независимость мышления, ибо в условиях мыслительных операций человек получает возможность преодоления собственной единичности, освобождения от аффектов и создания условий для самодетерминации своих желаний и действий. Адекватные мыслительные процессы позволяют создавать проекты деятельности в сознании, осуществлять целеполагание, подбирать адекватные сред-

ства и достигать поставленных целей, приближаясь к истине. Реальная свобода порождается силой творческой энергии личности.

Внутренняя личностная свобода достижима в том случае, когда происходит осознание причин и мотивов собственной линии поведения, а также понимания тех ограничений, которые составляют то, что входит в содержание понятия «необходимость». Для достижения свободы личность должна обладать развитым характерологическим свойством рефлексии, она должна иметь развитое самосознание. Развитая рефлексия открывает личности понимание относительного характера феномена свободы, которая достижима в результате осознаваемой целенаправленной деятельности личности, иными словами она возникает в результате единства сознания и деятельности личности.

Свобода личности реализуется через диалектическое взаимодействие как природных и социокультурных (внешних), так и личностных (внутренних) детерминант. Однако внешние детерминанты для личности приобретают детерминирующую роль лишь сквозь призму внутренних.

В третьем параграфе «Конструктивное и деструктивное действие человеческой свободы» отмечается, что фундаментальной философско-антропологической проблемой самотрансцендирования свободы является поиск наиболее оптимального социокультурного и личностного баланса свободы, который бы становился гарантом минимизации деструктивных и максимизации конструктивных проявлений свободы. Данная проблема обусловлена неискоренимостью человеческой склонности к разрушительности, которая, однако, при определенных социокультурных условиях становится максимальной (в условиях войн, терроризма и т.п.), но при других условиях – минимизируется. Решение данной проблемы невозможно без выяснения тех истоков, которые приводят к разрушительности, что актуализирует необходимость выяснения природы человеческой агрессивности как мотивированного деструктивного поведения в вербальной или физической форме, противоречащего нормам социального сосуществования и приносящего моральный или физический вред объектам данной деструкции.

Современные исследования выявляют несостоятельность инстинктивной теории агрессивности. Фрустративные теории агрессии называют основной причиной агрессии фрустрацию, т.е. болезненное переживание вследствие появления препятствий на пути к цели. Разрушительность является следствием, с одной стороны, неверно проживаемой жизни, а, с другой – может выступать и как поведение, приобретаемое с помощью научения и помогающее человеку достигать поставленных целей. Приобретаемая за счет социального научения агрессия, носящая более рациональный характер, приобретает часто не враждебный (т.е. не является самоцелью), а инструментальный характер (т.е. служит средством достижения поставленных целей). Сдерживающим фактором подобного рода агрессивности должны стать адекватные социокультурные меры, которые бы с помощью правовых и иных механизмов сделали невозможным или маловозможным эксплуатацию агрессии как средства целедостижения.

Гарантией того, чтобы свобода не становилась субъективным фактором усиления ощущения неопределенности и страха, является воспитание в чело-

веке как личности умения продуктивно пользоваться свободой. И проблема здесь двунаправленная: личности нет вне позитивной свободы, а позитивная свобода создается лишь личностью. Свобода не является самоцелью, а выступает основным условием превращения жизни людей в постоянный процесс развития и реализации ими своих потенций. Завоевать свободу проще, чем научить пользоваться ей, но только последнее может обезопасить человека от неосознанного или сознательного причинения зла себе и другим людям.

В случае, когда свобода не является характеристикой личности, зло и свобода могут стать понятиями, которые можно рассматривать как соотносительные, прежде всего, потому, что они объединены еще одним общим для них понятием «разум». В то же время именно разум, порождающий зло, выступает как фундамент действительной свободы человека. Ряд исследований в области генезиса социального зла вскрывает не относящиеся непосредственно к проблеме свободы его источники: универсальное компенсаторное назначение модальности социального зла заключено в ее способности придавать дезинтегративным процессам функционирования социокультурных образований потенциально однонаправленный аксионормативный смысл. Оппозиционная дихотомия «добро – зло», произрастающая из первобытного сознания, дифференцирующего отношения по принципу «свой – чужой», впоследствии трансформировалась в модернистскую социокультурные дихотомии «норма – девиация» и «типичность – маргинальность».

Двойственный характер девиации как отклонения от следования социальным нормам проявляется в том, что в одних случаях девиация, превращаясь в фактор деликвентного поведения, делает из человека преступника, в других – человека элиты, оригинально и нестандартно мыслящего и действующего нешаблонными методами. Однако и то, и другое выступает фактором, выводящим человека на уровень временной или перманентной маргинальности. Процесс социализации, на том или ином этапе личностного развития не встречающий личностного сопротивления, оказывает губительное воздействие на человека, превращая его в пассивную единицу массового сознания и массовой культуры.

Деструктивное действие свободы часто связывается с утверждением, что она порождает анархию. При этом данное понятие в массовом сознании носят явно негативный характер, и воспринимается как символ разрушения. Для классиков анархизма характерна критика духовного отчуждения личности, иницируемого государственным насилием и подавлением личности, ее закабалением и порабощением. Средством противостояния этому анархисты считали создание условий для увеличения личностной свободы. Поэтому анархизм следует скорее трактовать не как учение о внегосударственном произволе, а как учение, направленное на самоосвобождение человека. Но социальные практики современности демонстрируют, что для цивилизованной части человечества, и особенно супердержав, оснащенных оружием массового поражения, анархическим идеи, в чем-то близкие представителям восточных религий буддизма и джайнизма, предстают утопическими.

Личности, нашедшей себя, развившей свой потенциал и нашедшей свою целевую аудиторию в социокультурной реальности, дающую ей позитивную

обратную связь становится незачем и некогда проявлять сознательную деструкцию. Автономная энергия личности, направленная на позитивную творческую самореализацию в созданных для этого социокультурных условиях, в подавляющем большинстве случаев не направляется на сознательное разрушение. Когда человек свободно может развивать свой внутриличностный потенциал, его свобода становится созидающей силой, она начинает творчески самотрансцендироваться в социокультурном пространстве, выступая фактором творческого созидания, при котором разрушению подвергается лишь устаревшее, ошибочное, отжившее и препятствующее прогрессивному поступательному развитию человека, а также природного и социокультурного пространства в целом.

Четвертый параграф «Специфика смысложизненной аксиосферы свободы личности» посвящен исследованию аксиосферы как сферы идеалов, ценностей и ценностных ориентаций социокультурного пространства способствует выявлению и раскрытию ценностной значимости и ценностного отношения человека к миру. В философско-антропологическом и социокультурном прочтении свобода выступает одной из высших смысложизненных ценностей человека, подлинным условием становления и результатом воплощения в человеке его специфически человеческой сущности.

Любая ценность перестает быть таковой, если она не формируется и существует в условиях свободы. Стремление к свободе является не только социальным благом, но и одним из фундаментальных свойств человеческой личности. Доказательством того, что свобода является ключевой ценностью человечества, может служить неугасающее стремление к свободе, которые было и остается характерным для любой исторической эпохи, особенно в кризисные времена, связанные с войнами, революциями и иными социальными потрясениями. Непонимание истинной ценности свободы и восприятие ее в мифологизированном или стереотипном варианте приводит не только к разрушению личности, но и к негативным социальным последствиям.

Свобода является непременным условием самоопределения личности. Она содержит потенцию, которая содержательно превосходит всё, что только может возникнуть и существовать. Свобода выступает истоком бытия в самом же бытии. Личностная свобода как ценность связана с тем, что помогает человеку не только осознать имеющиеся препятствия и ограничения личностного развития, не только переживать имеющееся противоречие между «Я-реальным» и «Я-идеальным», но и способствовать изменению личности в сторону поступательного, прогрессивного прироста внутренних ресурсов и внешних результатов деятельности в пространстве расширенных возможностей.

Свобода есть то, что потенциально или реально всегда создает условия для воплощения смысла человеческой жизни, а также выхождения ценности его жизни за ее биологические рамки. Она есть то, что в какой-то степени дает потенциальную возможность победы над смертью и обретения относительно бессмертия. И, наоборот, элиминация свободы из жизни человека почти неизбежно влечет собой и саму постановку вопроса о смысле жизни, ибо в условиях несвободы этот вопрос не только не может быть поставлен, но и да-

же в случае наличия такой возможности его постановка становится нежелательной. Свобода как смысложизненная ценность есть фактор противостояния обесмысливанию жизни, механизм жизнеутверждения и нахождения смысла жизни не столько за ее пределами, сколько в ее очерченных границах.

Общество, реализующее негативную свободу, формирует омассовленного человека, перестающего ощущать себя полноценно контролирующим свое настоящее, ясно осознавать себя в контексте прошлого и с уверенностью планировать будущее. Вырывание человека из контекста прошлого и будущего есть путь обесмысливания его настоящего. Прошлое степени ограничивает свободу человека, но эти ограничения есть источник мудрости, ибо знание уроков прошлого уберегает человека от ошибок будущего. Ценность прошлого в соотношении с ценностью актуальной свободы человека, придает ценность настоящему и осмысляет будущее.

В случае, когда социокультурное пространство воспринимается человеком как нечувствительное к его воздействиям и неподвластное ему, а именно таким оно и становится в условиях глобализации, человеку все сложнее и сложнее становится осуществлять самоотрансцендирование личностной свободы. Выстроить стройную ценностную иерархию в условиях индивидуализированной фрагментаризации общества оказывается чрезвычайно трудно. В этом утрачивается целостное континуальное восприятие человеческой автобиографии, что наносит колоссальный вред его смысложизненной аксиосфере. Целостная экзистенция человека трансформируется в цепь изолированных отрезков жизни, в которых уместными становятся лишь краткосрочные цели, сиюминутные интересы и психофизиологические процессы и потребности, удовлетворяемые в разветвленных сферах обслуживания.

Специфика смысложизненной аксиосферы свободы личности связана именно с ее взаимодействием с ключевыми экзистенциалами человеческого бытия. Категория свободы аккумулирует всю ту творческую энергию и результаты человеческой деятельности, накопленные лучшими умами за всю историю человеческой культуры в ее материальном и духовном проявлении. Неправомерное лишение свободы для личности есть поэтому факт покушения на специфику самого человеческого существования, на саму жизнь человека.

Смысложизненная ценность свободы для социокультурного бытия человека сравнима с такой же ценностью здоровья для его виталистического измерения бытия. Человеческая жизнь является величайшей ценностью в системе всех остальных ценностей. Вне жизни человека свобода теряет всякий смысл. Поэтому жизнь человека во всех ее проявлениях следует считать не только стартовой, но и финитной ценностью в иерархии аксиосферы, осознавая при этом парадоксальность того, что утверждение этой ценности в истории культуры и в современности немислимо без обоснования ценности жизни со стороны иных экзистенциальных ценностей и идеалов, в том числе и свободы.

Самоотрансцендирование свободы человеческой личности, проявленное как самоосуществление и самосозидание, и есть важнейший универсальный смысл жизни человека, дающий ему ощущение полноты бытия и счастья, а также кристаллизирующий как уникальность собственного самовоплощения, так и общечеловеческие цели, и смыслы актуальной и потенциальной социо-

культурной жизнедеятельности. Любая человеческая жизнь значима вне зависимости от наличия или отсутствия субъективного смыслонаделения и смыслоосознания. Степень и качество смысложизненного самовоплощения находится в прямой зависимости от цельности и степени развитости личности.

Свобода как ценность атрибутивна человеческой сущности, без чего человек утрачивает человеческое. Собственные усилия человека, предпринимаемые им с целью самопознания и последующего самовоплощения, есть не только проявление человеческого самоопределения в самотрансцендировании его свободы, но и реализация его креативности. Поэтому культивирование личностной свободы является и залогом безопасности, стабильности и устойчивости развития любого социокультурного пространства.

В третьей главе «Ценностно-смысловые аспекты самотрансцендирования личностной свободы в социокультурном пространстве конца XX – начала XXI века» рассматриваются особенности самотрансценденции личностной свободы в условиях современной трансформирующейся социокультурной реальности.

В первом параграфе «Механизмы подавления и реализации свободы в современной культуре» автор доказывает, что в современной социокультурной реальности сосуществуют как механизмы подавления, так и реализации позитивной самотрансцендирующейся свободе личности («свободе для»). Подавление и реализация свободы есть процессы, которые чаще всего являются проявлением единого механизма регламентации, управления и регуляции свободы, который запускается в социокультурном пространстве со стороны различных ее субъектов.

Управление свободой необязательно может быть выражено в явной и императивной форме: оно может носить латентный, косвенный и непринудительный характер. Управление свободой есть, прежде всего, контроль над сознанием объекта управленческого воздействия с целью побуждения его к действиям, нередко противоречащим его истинным интересам или моральным представлениям. Современные социокультурные механизмы управления свободой основаны на создании ощущения свободы действия управляемого индивида, в то время как объективно он никакой реальной свободы не имеет. В зависимости от субъекта регуляции свободы в современной культуре можно условно выделить информационные, образовательные, политико-правовые, социально-экономические, технологические, идеологические, духовно-нравственные, манипулятивные и другие механизмы.

В условиях современной цифровой реальности средства массовой коммуникации амбивалентно выступают мощнейшим средством, как подавления, так и реализации самотрансценденции свободы личности. Информационные технологии расширяют физические и интеллектуальные возможности человека, позволяя преодолевать ему многие естественные ограничения. В то же время самостоятельность миропонимания и свобода мышления и оценки событий повседневности исчезают под натиском «препарированной» информации. Внушая массовому сознанию, «что такое хорошо, а что такое плохо», средства массовой коммуникации превращаются в антидемократическую си-

лу, формирующую искаженную, но усыпляющую массовое сознание картину действительности.

Информационализм, явившийся следствием перестройки капиталистического производства в конце XX века, ориентируется на накопление знаний, символическую коммуникацию и все более высокие и сложные уровни обработки информации, что характеризует в современных условиях технологическую функцию производства. Современный человек не может сегодня выдерживать конкуренции в самореализации вне постоянного притока информации и информационного обмена. При этом лишь малая часть его сознательного бытия определяется информацией из повседневного опыта. Преобладающая часть информации в областях, находящих отражение в непосредственном опыте, получается из различных средств массовой коммуникации, императивно формирующих в его сознании вторую субъективную реальность, влияние которой в жизнедеятельности человека огромно.

Информационная репрессивность современности, безусловно, оказывает влияние на свободу человека: информация, являющаяся общедоступной, подается властными или экономическими структурами в намеренно искаженном виде, формирующим ту или иную оценочную позицию. Сама свобода человека оказывается ограниченной реакциями, которые человек может проявлять на поступающие к нему информационные потоки, в то время как скрываемая информация, находящаяся вне границ его восприятия, оказывает на него латентное воздействие как необходимая данность.

Фактором, противостоящим механизмам подавления свободы личности, является хорошая образованность, дающая человеку гибкость, широту, глубину и самостоятельность мышления. Высокая образованность всегда считалась характерным атрибутом аристократии, которая сыграла важнейшую роль в становлении традиции свободы. Институт образования в современном российском обществе находится в кризисном состоянии и связан с дефицитом преподавательских и управленческих кадров высокой квалификации, проблемой неполноты соответствия содержания и технологий образования требованиям современного общества и падением престижа высшего образования.

Соблюдение прав и свободы человека и гражданина, в реальной социокультурной практике оказывается чрезвычайно трудным, неоднозначным и проблематичным. Причем вопрос заключается не только в несовершенстве многих правовых норм и силовых механизмов, реальной политической неравномерностью и дискретностью их применения (при декларируемом равенстве), но и в том, что они не всегда состыкуется с ментальностью людей, по отношению к которым они направлены, что порождает стремление решать жизненно значимые вопросы, минуя эти механизмы. Поэтому в обеспечении либеральных свобод гражданам особая роль отведена государству, поскольку они немислимы в условиях преступности, особенно коррупции, или отсутствия эффективного государственного управления.

Социально-экономические механизмы подавления и реализации свободы личности являются центральными фундирующими механизмами. Они играют ключевую роль в освобождении или закреплении человека в условиях современной социокультурной реальности и теснейшим образом связаны со

всеми остальными механизмами реализации и подавления свободы. Особенно важную детерминирующую роль играют экономические механизмы в тех обществах и в жизни тех людей, которые являются бедными или балансируют на грани нищеты. Бедный человек есть чрезвычайно зависимый человек от материальных факторов, причем зависимость эта чисто материального характера откладывает отпечаток и на иные сферы жизни человека.

Свобода и благосостояние необходимо предполагают друг друга. Однако экономическая защищенность как гарантированный минимум для всех и защищенность как определяемый стандартом уровень жизни нетождественны друг другу. В то время как защищенность первого рода может быть обеспечена государством и в условиях рыночной системы, защищенность второго плана приводит к планированию, убивающему конкуренцию, и приводит к несовместимости такого рода понимания справедливости в обществе с принципами свободы выбора.

Объективность предписываемых оценок и отношения к тем или иным явлениям социокультурного бытия в рамках идеологического механизма воздействия чрезвычайно часто уступает место предвзятости, возникающей на основе желательности или нежелательности того или иного явления для субъектов, формирующих идеологию. В последнем усматривается сущностный механизм ограничения или подавления свободы для представителей одних социальных групп, в угоду реализации свободы представителям других.

Закрепленные в существующих нормах религии и морали, обычаях и традициях духовно-нравственные механизмы регуляции свободы являются определяющими для традиционалистских обществ, но продолжают быть представленными и в обществах современного техногенного типа. За счет контролирующей функции со стороны социокультурных механизмов духовно-нравственного воспитания обеспечивается оптимальный диапазон развития сил социального действия и противодействия в рамках деятельности социальных субъектов.

Манипуляция общественным сознанием есть одно из проявлений нормативно-регулирующей функции власти, поэтому она как функциональное свойство социокультурного пространства является достаточно универсальным явлением. Одной из идей, позволяющих участвовать в реализации данной функции, является идея фатализма. Фатализм, смысл которого заключается в идее предопределенности человеческой жизни и подчиненности его всемогущей судьбе, предзаданности истории и необходимой предустановленности процессов мироздания, в историко-культурном процессе, становясь частью идеологических и религиозных доктрин, а затем и обыденного сознания, выступал и продолжает выступать мощнейшим механизмом подавления человеческой свободы. Попытка внедрения в сознание идеи судьбы (Фатума, Рока и т.п.) как фактора, противостоящего свободе, является в то же время стремлением перечеркнуть возможность идеи самотрансцендирования, самодетерминации, самоопределения и самореализации личности.

Во втором параграфе «Свобода личности в контексте индивидуализации и глобализации» показано, что процессы индивидуализации и глобализации в современных условиях выступают эпохальными характеристиками

современной социокультурной реальности. Глобализацию следует считать одной из основополагающих мегатенденций современного социокультурного пространства, превращающих человечество в единую социокультурную целостность. Процесс глобализации имеет амбивалентное влияние на свободу личности, при котором происходит как расширение границ внешней свободы за счёт появления новых видов коммуникации, так и нивелировка способов ее проявления за счет навязывания единых культурных стандартов жизнедеятельности.

В негативном значении под глобализацией понимается целенаправленная политика западного мира, прежде всего США, в области создания однополярного мира, в основе которого лежит стремление к мировому господству. В позитивном значении категория «глобализация» подразумевает под собой всеобъемлющий и полномасштабный процесс трансформации и мирового распространения конкретных типов организации социокультурных отношений и взаимодействий, исходящий от наиболее передовых в цивилизационном смысле государств мира. Более объективный и взвешенный анализ процессов глобализации и специфики проявления личностной свободы в ней приводит к выводу о противоречивом характере данных процессов.

В современных условиях развития социокультурного пространства наиболее важными формами проявления глобализации выступают: информационная, религиозная, экономическая, политическая, территориальная, демографическая и другие. При этом современный человек подвержен иллюзорному восприятию свободы. Свободный выбор стилей жизнеосуществления современного массового человека становится все более иллюзорным. Но за счет внедрения в быт современного человека виртуальной симулякризованной реальности иллюзорным становится и само его существование.

Информационная и экономическая формы глобализации оказывают очень мощное влияние на все социокультурные процессы, которые в свою очередь определяют и специфику межличностных отношений, а также процессы личностной идентичности. В этом смысле глобализация оказывает негативное влияние на личность, поскольку подлинно свободной является лишь тот, кто внутренне свободен, а значит имеет четкую структуру личностной идентичности. Однако личностная идентичность в условиях глобализации становится динамичной и нестабильной. Находясь под неослабевающим воздействием глобальной культуры, личность ощущает чувство покинутости и незащищенности, которые компенсируются принятием навязанных примитивных форм самореализации в рамках социальных связей в пространстве информационно-коммуникативных сетей.

Политическая глобализация реализуется с помощью идеологии, на которой может базироваться глобальный миропорядок и которая становится мощным и незаменимым средством построения самого мирового порядка и его основных тенденций. Современная цивилизация является настолько сложной, что для того, чтобы сохранить ее существование, требуется все больший контроль над процессами, в ней происходящими, что не может не изменять и границы человеческой свободы.

В процессах глобализации наблюдается тенденция к увеличению значимости традиционных религиозных ценностей, распространение которых, однако, приводит не только к стабилизации (в рамках внутриконфессиональных отношений), но и к дестабилизации миропорядка (вследствие межконфессиональных разногласий и конфликтов).

Одним из способов противостояния негативному влиянию глобализации, трансформирующей социокультурные отношения с национально-государственного на транснациональный уровень, является развитие поликультуризма, который предполагает не поглощение слабых культур сильными, а относительно равноправный диалог культур, эгалитарную взаимозависимость и культурный взаимообмен. Альтернативой глобализму считается многополярность, которая ассоциируется с увеличением мировой стабильности в целом и безопасности малозащищенных стран в частности. Многочисленные культуры сегодня существуют за счет их пересечения и взаимопроникновения. В то же время чрезмерное многообразие культур является причиной инертности и малоподвижности в плане прогрессивного развития мирового сообщества.

В современных условиях имеет место диалектика глобализации и национализма. История и современные процессы глобализации протекают нелинейно, что становится одной из основ для прогнозирования мировой ситуации в будущем, которая будет характеризоваться конкуренцией между альтернативными национальными стратегиями глобализации на фоне процессов межкультурного синтеза, а также создания условий для индивидуализации выстраивания жизненных стратегий личности.

Индивидуализация в современной культуре проявляется в освобождении от традиционных форм социальной нормированности человеческих отношений, с точки зрения господства и подчинения, что приводит не только к освобождению пространства для выстраивания жизненной стратегии личности, но и к утрате ощущения стабильности, росту неопределенности, страха, риска и угроз. В условиях подобного рода реальности человеку приходится оставаться собой и трансцендировать личностную свободу лишь на основе ежемоментных усилий своего процессуально-актуализирующегося Я. В индивидуализирующейся реальности становятся проблематичной реализация долгосрочных стратегических целей и задач, разрушается преемственность поколений и значение традиционных семейных ценностей.

Жизнь в индивидуализируемом обществе поляризуется, что приводит к дихотомии двух ключевых стратегий: спатальной, дававшая наибольшие жизненные перспективы в традиционном и индустриальном обществе и темпоральной, которая наиболее адекватна неопределенности, многовариантности и информатизации индивидуализирующегося общества. При этом обе стратегии в отрыве друг от друга деструктивны для личности. Объективная потребность в новой стратегии жизни личности в индивидуализирующемся обществе приводит к необходимости следования континуальной стратегии, сочетающей достоинства двух вышеуказанных стратегий. Континуальная стратегия жизни личности позволяет преодолевать дискретность квантированных отрезков социокультурной действительности, воссоздавая утрачиваемые

мую индивидуализацией стратегическую непрерывность жизненной биографии личности, а также преодолевает средовую асинхронию за счет выхода на новый уровень самореализации.

В третьем параграфе «Самотрансцендирование личностной свободы в культуре постмодерна» показано, что свобода еще никогда не приобретала такой значимости и не становилась доминирующей эпохальной характеристикой, какой она стала в культуре постмодерна. Каждый в этой культуре стал свободным в той мере, в которой его поведение не пересекается с законными правами других людей. Реальная власть сменилась властью анонимной, проявляющейся в воздействии здравого смысла, общественного мнения, науки, образования, сфере досуга. Действенность данной власти обусловлена ее скрытым и малозаметным, но весьма эффективным воздействием на личность.

Усмотреть в полицентричной реальности постмодерна какую-то ведущую линию или центральную тенденцию довольно сложно, за исключением, пожалуй, тенденции освобождения желания человека, особенно чувственного характера, и наделения желания критерием собственной жизнедеятельности. Культура постмодерна, принеся с собой потерю историчности, нарративности и глубинного измерения феноменов реальности, хоть и явила собой культуру абсолютизации личностной свободы, но при учете данных характеристик культуры, свобода лишается устойчивых ценностно-смысловых ориентиров культурного самовоплощения.

Постмодерн связан с отказом от метанарратива, господствующего в модерне, как общей теоретической концепции истории, дающей ответ о ее движущих силах, ценностях, смыслах и общей направленности, а постмодернистская трактовка смысла истории заключена в репрезентации историко-культурной релятивности субъективных смыслов. Последнее связано с формированием нового социального порядка, признающего высшими ценностями индивидуализм, свободу, творчество, мультикультурализм, антифункционализм и антиутилитаризм.

Постмодерн стал широким культурным движением в западном мире, повлекшим за собой тотальное раскрепощение человека. Применение тактики деконструкции существующих смыслов и ценностей было осуществлено с целью выяснения того, как происходит превращение живого чувствующего и мыслящего человека в обезличенного и одномерного субъекта. Постмодерн призывает не к анархии, а к принципиально новой трактовке индивидуальности и единичности человека, его сознания и свободы.

Постмодернистская философско-антропологическая проблематика тесно связана с утверждением права человека быть и оставаться самим собой со своими комплексами, страхами и другими экзистенциальными проблемами. Человек в данном понимании освобожден от сравнения с идеальными образами, нормативами и прототипами человека эпохи модерна. В культуре постмодерна акцент сделан на том, что человек не только должен нести ответственность за свои поступки, но и по большому счету – иметь право свободы выбора.

Отказ от традиционного категориального аппарата философии, дающего точные репрезентации и рассматривающего человека и его свободу в контек-

сте бинарностей, привел к утверждению, что никакая интерпретация свободы человека не может считаться единственной возможной, т.к. она предстает в бесконечном множестве своих граней и значений, а познающему человеку не доступны исходные, объективные и достоверные точки отсчета.

В постмодерне утверждается, что традиционные грамматические структуры языка, позволяющие познавать свободу, являются средством подавления живых процессов мышления и различных проявлений свободы в окружающем мире. Человек, считая, что он владеет словом, и не подозревает, что само слово деспотично владеет им. Язык ограничивает свободу, но свобода и язык есть понятия малоразделимые. Вне языка проблема свободы не сможет быть даже поставлена, а уж тем более решена. И именно слово может обеспечить или лишить человека свободы, объединить его с окружающим миром, его ресурсами или другими людьми или, наоборот, разъединить.

Склонность к традиционным дихотомиям, редуцирующим восприятие свободы, блокирует возможности сознательного поиска новых ценностей, связанных с опровержением устоявшихся идеалов и норм. Постмодерн поэтому требует отказа от традиции в пользу коммуникации в интерактивном режиме актуальных социально-культурных процессов.

Постмодерн утверждает идею о том, что свобода человека должна рассматриваться в ракурсе новой онтологии человека, связанной с концепцией саморасходующегося человека, способного понять и принять жизнь человека исходя из ее же истоков, когда каждый момент его жизни желателен ради него же самого. Человек постмодерна руководствуется лишь собственным желанием и не принимает «положенные» ему стили жизни. В подобной атмосфере размытости границ дозволенного исчезают нормы, регламентирующие то, что ранее считалось бы неприличным или недопустимым. Это приводит к новому пониманию реальности свободы в сохранении целостности человеческой природы, преодолении дихотомии телесности и духовности, физического и психического, чувственного и умопостигаемого, внешнего и внутреннего.

Обретение равновесия и целостности личности в процессе личностного самополагания обеспечивается балансированием между собственными запросами и объективными обстоятельствами внешнего мира. Свобода человека в постмодерне есть процесс самодетерминации, проявленный как ответ на вызовы со стороны внутреннего и внешнего мира в единстве реакций случайности и целесообразности в контексте перманентных социокультурных трансформаций. Культура постмодерна предстает перед человеком как резервуар возможностей, опредмечивающих перспективы личностных трансмутаций в свете актуальной процессуальности социального самоопределения.

Желания человека постмодерна предстают как предельная и непреложная реальность, выступающая источником творчества. Наиболее релевантной жизненной стратегией становится свободное игровое начало человека, проявляемой в тотальной игровой ситуации существования. Для постмодернистской реальности игра становится для человека обнадеживающим и жизнеутверждающим фактором. Выступая жизненной стратегией, она утверждает свободное, незавершенное и открытое положение человека в мире.

Утверждение экзистенциалов жизни и смерти, дружбы и любви, борьбы и инаковости в условиях сохранения единичности, однократности, необратимости и сиюминутности человеческого существования – все это приходит на смену модернистских идеалов разума, прогресса, приоритета традиции, нормы, порядка, чести, долга и совести, победы общего интереса над частным. Все это приводит к формированию гуманизма нового качества, в котором воплощается полнота присутствия человека в контексте его неповторимости в условиях свободно протекающего настоящего. Это актуализирует желание жизни, самосотворения, самоопределения, самореализации за счет выхождения за установленные границы догматичного и аксиоматичного, запрограммированного и детерминированного, нормированного и предустановленного.

Четвертый параграф «Самотрансцендирование свободы в отечественном философском дискурсе» раскрывает специфику отечественной философской традиции осмысления проблемы свободы как позитивной самотрансцендирующейся сущности. В нем отмечается, что истоки своеобразия политико-правовой культуры российской государственности следует усматривать не только в особенностях геополитического положения, пространственно-географических характеристик и природно-климатических условиях России, но и в особенностях традиций и религиозных верований многоэтнического и многоконфессионального состава страны. Человек в России на протяжении столетий находился в постоянном подчинении в условиях жесткой и деспотичной власти. Данные факторы обусловили тот факт, что дискурс свободы человека в социокультурном пространстве России вплоть до XVIII века практически отсутствовал.

Одним из первых мыслителей, открыто поднявших его, стал подвергнувший критике самодержавие и крепостничество А.Н. Радищев, развивший идеи о равенстве и свободе всех людей в естественном состоянии и заявивший о том, что совершенное государство должно заботиться о блаженстве граждан. На сущностный характер свободы указывал Б.Н. Чичерин, полагая свободная воля формирует личность и именно вследствие нее у человека могут и должны быть определенные права. Большой вклад в становление русского либерализма внес также П.И. Новгородцев, которому принадлежит идея о том, что человечество постоянно вынуждено делать выбор между гармонией и свободой.

Ф.М. Достоевский различил бессодержательную свободу, опустошающую и уничтожающую человеческую личность, и свободу в истине (в Боге). Проводя мысль о том, что путь свободы предполагает страдание, он дает понять, что всегда для человека есть соблазн отдать свободу Великому инквизитору, посреднику между человеком и Богом, который бы избавил человека от необходимости быть свободным и нести ответственность за свободный выбор. Но сделать подобный выбор – значит, по Ф.М. Достоевскому, отказаться от свободы как высшего достоинства человека, отказаться от самой человеческой сущности. Достоевскому как никому еще из русских мыслителей до него удалось показать, что именно свобода есть главная сущностная черта человека. Но плодотворной она становится лишь тогда, когда ведет не к человекобожеству, когда человек ставит себя выше Бога и считает, что он может всё, а к бо-

гочеловечеству, когда человек, оставаясь свободным, знает и чувствует, что он всего лишь человек, хоть и свободный, но человек, а не Бог, и что он никогда не станет выше Бога. Поэтому путь нравственного совершенства состоит в убиении в себе человекобожества и возвращении богочеловека. При этом человек ничего не теряет, но становится мудрее и нравственнее.

С точки зрения Л.Н. Толстого, лишь человек, способный к самостоятельному мышлению, формируемому не в последнюю очередь за счет отказа от бессознательных заштампованных норм в пользу природной, естественной заданности, приобретает способность к осознанному самоопределению, самодетерминации, творчеству, свободе и ответственности. Личностная свобода достижима как результат осознания человеком своей жизни. В то же время истоки порабощения одного человека другим лежат в том, что человек склонен к насилию, в том числе и к убийству. Вследствие осознания этой угрозы человек может отказаться от своей воли, исполняя волю другого. Истоки любого рабства, а, следовательно, и несвободы заключены в насилии. И там, где оно будет, там невозможно достичь полноценной свободы.

В.С. Соловьев указал на то, что путь внутреннего освобождения человека от зависимостей внешнего мира находится в его приобщении к абсолютному и трансцендентному. Это возможно только в процессе цельного знания, которое и приближает человека к абсолюту и которое предполагает рефлексивную, развивающую его духовный мир, высвечивая альтернативные возможности желаний, поведения и деятельности в целом. Таким образом, свобода есть способность выхождения за пределы собственного наличного «Я» в результате внутреннего соединения с истинно-сущим за счет приобщения к абсолютному и трансцендентному.

С точки зрения Н.А. Бердяева, к достижению свободы приводит реализация личности. Становясь личностью, человек постоянно объективируется и трансцендирует, преодолевая замкнутую субъективность, обретая целостность и свободу, сочетая конечное и бесконечное, относительное и абсолютное, единое и множественное, внутреннее и внешнее. Но если объективация предполагает реализацию человека в объективном мире, то трансцендирование – переход к транссубъективизму в процессе экзистенциального общения. Именно оно рождает личность, творящую сама себя и осуществляющую творческое изменение мира. Творчество, поднимающее человека над временем и устремляющее его личность в бесконечное, рождается в свободе, которая проявляется как внутренняя энергия человека. Основная работа по освобождению человека должна заключаться в совершенствовании истинного осознания сущности свободы, творчества, любви, проявленных в транссубъективной экзистенциальной коммуникации.

Экспликация свободы в неразрывном единстве с личностью и явлением трансцендирования как ее выхода за границы собственного «Я» в направлении к духовному бытию была характерна в русской философской мысли и для С.Л. Франка. В выхождении за пределы самого себя как фактической данности, в возвышении над самим собой заключается духовная инстанция личности, внутренняя сущность ее жизнетворческого проявления и ее бесконечность. Выходя за пределы самой себя, она непременно соприкасается с чем-

либо иным, проникая в нее и, одновременно, открывая ему себя. В этом акте свободного самоопределения и заключается процессуальный характер свободного трансцендирования.

На активный, самостоятельный характер сверхкачественной природы человеческого «Я», способного действовать творчески и выступать причиной самого себя, указывал также Н.О. Лосский, который показал, что потенциальные возможности человека велики и что в каждом конкретном жизненном случае перед человеком отрываются различные альтернативные варианты, выбор которых определяется собственной силой деятеля.

Ведущей человеческой ценностью, нивелирование которой привело бы к гибели человеческого достоинства и смысла его жизни, провозглашает свободу И.А. Ильин, ибо человек существует по большому счету только тогда, когда мыслит, творит, исследует, имеет убеждения, идеалы, верования, а также способен испытывать муки совести, стыда и вины. Свободу человек получает не столько извне, сколько изнутри. Он должен, прежде всего, осознавать внутри себя свободным. И.А. Ильин прав в том, что внешняя свобода, не гарантируя свободы внутренней, создает определенные предпосылки для нее.

М.К. Мамардашвили усматривал проявление свободы в способности качественно трансформировать ситуацию, выходя за пределы причинно-следственных зависимостей. Сталкиваясь с ситуациями, исход которых трудно предугадать или заранее запрограммировать, человек оказывается свободно трансцендирующим в процессе творческого принятия решения, структурирующим пространство собственной деятельности. Человек достигает свободы в ходе работы процессов сознания, рефлектируя и трансцендируясь. Человек постоянно трансцендирует, находясь в состоянии особого рода не разложимой длительности. Трансцендирование происходит в процессе познания, когда человек вырывается из области известного и попадает в неизведанное. Если последнее содержит проблемность, то она активизирует мыслительные процессы, а также эмоцию удивления на основе яркого впечатления, что вызывает необходимость актуализации трансцендирующего усилия, огня бытия, дающего право человеку на свободу мышления, рефлексии, творчества и деятельности.

У В.С. Библера человек предстает как постоянно актуализирующаяся нужда, страсть и необходимость, предметной деятельностью которого постоянно становится сама его жизнедеятельность. Постоянно достигая временного соответствия между собственной субъективной характеристикой и средствами деятельности, он постоянно в то же время перестает соответствовать самому себе. В процессе деятельности перед человеком открывается возможность обретения свободы не только к акту деятельности, но и по отношению к ее самой возможности, т.к. он всегда ее может изменить. Условия, позволяющие человеку не быть детерминированным самой деятельностью, заключаются в человеческой способности, заключающейся в способности быть источником трансформации и изменения свободного к ней отношения.

В **Заключении** подводятся общие итоги работы, осмысливаются перспективы дальнейшей работы.

Основные научные результаты диссертации изложены в следующих работах соискателя:

I. Статьи, опубликованные в изданиях Перечня ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Волохова Е.В. Свобода в контексте ключевых категорий современной философской антропологии // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 4. – С. 2 – 10.

2. Волохова Е.В. Специфика экспликации феномена свободы в философии эпохи возрождения и нового времени // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 2 – 11.

3. Волохова Е.В. Методологические условия концептуального моделирования проблемы свободы в контексте философской антропологии и философии культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 2. – С. 30 – 34.

4. Волохова Е.В. Философский анализ динамики свободы в историко-культурном процессе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 4. – С. 31 – 35.

5. Волохова Е.В. Проблема личностной свободы человека в контексте процессов глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 6. – С. 9 – 12.

6. Волохова Е.В. Самоотрансцендирование свободы личности в философии немецкого классического идеализма // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 3. – С. 26 – 36.

7. Волохова Е.В. Социокультурные и личностные детерминанты самоотрансцендирования свободы человека // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 5. – С. 2 – 17.

8. Волохова Е.В. Экзистенциальные парадоксы и антиномии самоотрансцендирования личностной свободы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 3. – С. 126 – 131.

9. Волохова Е.В. Свобода личности в свете специфики смысложизненной аксиосферы // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 5. – С. 104 – 111.

10. Волохова Е.В. Экзистенциальные смыслы свободы в контексте сущности и существования человека // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – № 1. – С. 47 – 51.

11. Волохова Е.В. Проблема свободы человека в отечественной философско-антропологической мысли XVIII – начала XX веков // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 24 – 29.

12. Волохова Е.В. Методологические трудности философской экспликации сущности и многообразия проявлений свободы человека // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – № 3. – С. 28 – 35.

13. Волохова Е.В. Свобода человека в современной культуре: анализ деструктивных и конструктивных проявлений // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – № 4. – С. 53 – 60.

14. Волохова Е.В. Специфика самотрансцендирования личностной свободы в культуре постмодерна // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – № 5. – С. 22 – 28.

15. Волохова Е.В. Философско-антропологические истоки и смыслы самотрансцендирования свободы личности // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Т. 17. – № 3. – С. 97 – 106.

II. Монография:

16. Волохова Е.В. Свобода личности в социокультурном пространстве: философско-антропологический анализ. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2015. – 292 с.

III. Научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

17. Волохова Е.В. Экзистенциально-антропологический смысл феномена свободы человека // Потенциал современной науки: сборник докладов XVI Международной научной конференции. – Липецк: МНП «Национальный фонд инноваций». – 2015. – № 5 (13). – С. 109 – 112.

18. Волохова Е.В. Проблема поиска минимизации деструктивного характера личностной свободы в контексте теорий агрессивности // Вестник научных конференций: сборник Международной заочной научно-практической конференции «Современное общество, образование и наука». – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком». – 2015. – № 11. – С. 49 – 50.

19. Волохова Е.В. Особенности социокультурной и личностной детерминации свободы в учении Эриха Фромма // Основные проблемы общественных наук: Сб. науч. трудов по итогам II Международной научно-практической конференции. – Волгоград: ООО «МЕ-технологии». – 2015. – С. 74 – 76.

20. Волохова Е.В. Многогранность феномена свободы в свете теоретико-методологических рефлексий философской антропологии // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества. – 2016. – № 21. – С. 140 – 145.

21. Волохова Е.В. Ценностное отношение к свободе как аксиолого-антропологической категории // Система ценностей современного общества. – Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества. – 2016. – № 44. – С. 22 – 26.

22. Волохова Е.В. Желание, выбор и действие как реализация самотрансцендирования свободы личности // Наука третьего тысячелетия: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Курган: Научно-издательский центр «Аэтерна», 2016. – С. 48 – 51.

23. Волохова Е.В. Философия самотрансцендирования свободы личности в любви и привязанности // Научный поиск в современном мире: сборник материалов XI международной научно-практической конференции. – Махачкала: Научно-издательский центр «Апробация РФ», НП «Научно-аналитический центр «Этноэкономика». – 2016. – С. 112 – 114.

24. Волохова Е.В. Основные механизмы подавления и реализации свободы в культуре XXI века // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Уфа: Научно-издательский центр «Аэтерна». – 2016. – С. 66 – 69.

25. Волохова Е.В. Специфика самотрансцендирования свободы личности в эпоху глобализации // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. – Киров: Научно-издательский центр «Аэтерна». – 2016. – С. 62 – 65.

26. Петренко А.А., Волохова Е.В. Идея «основных прав»: аксиологическая характеристика // Экономические, правовые, социально-политические и психологические проблемы развития современного общества: Материалы II межвузовской научно-практической конференции научно-педагогических работников, аспирантов, практических работников. – Ростов-на-Дону: Филиал ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону. – 2016. – С. 279 – 286.

27. Волохова Е.В. Феномен свободы человека в социокультурной ретроспективе // Экономические, правовые, социально-политические и психологические проблемы развития современного общества: Материалы II межвузовской научно-практической конференции научно-педагогических работников, аспирантов, практических работников. – Ростов-на-Дону: Филиал ЧОУВО «Московский ун-т им. С.Ю. Витте» в г. Ростове-на-Дону. – 2016. – С. 47 – 54.

28. Волохова Е.В. Свобода личности в контексте творчества: философско-антропологический анализ // Научные дискуссии о ценностях современного общества: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. – Липецк: НИЦ «Аксиома». – 2016. – С. 5 – 9.

29. Волохова Е.В. Свобода и ответственность: философско-правовой анализ // Актуальные проблемы правоприменительной и правоохранительной деятельности в современных условиях: Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. – 2016. – С. 14 – 19.